

«Детское чтение для сердца и разума»

Н. М. Карамзин

РОМАН-ГАЗЕТА

4

Детская

■ 2015 (190)

6+

ЗЕЛЁНЫЙ ПАТРУЛЬ:
Подснежники

РАССКАЗЫ:
Родничок

ISSN 1684-0895

9 771684 089001 >

Вера Новицкая **Хорошо жить
на свете!**

Художник Н. Устинов

Иван Никитин

(1824–1861)

Полно, степь моя, спать беспробудно:
Зимы-матушки царство прошло,
Сохнет скатерть дорожки безлюдной,
Снег пропал — и тепло и светло.

Пробудись и умойся росой,
В ненаглядной красе покажись,
Принакрой свою грудь муравою,
Как невеста, в цветы нарядись.

Полюбуйся: весна наступает,
Журавли караваном летят,
В ярком золоте день утопает,
И ручьи по оврагам шумят.

Белоснежные тучки толпами
В синеве, на просторе, плывут,
По груди у тебя полосами,
Друг за дружкой, тени бегут.

Скоро гости к тебе соберутся,
Сколько гнёзд понавьют, — посмотри!
Что за звуки, за песни польются
День-деньской от зари до зари!

Там уж лето... ложись под косою,
Ковыль белый, в угоду косцам!
Подымайся, копна за копною!
Распевайте, косцы, по ночам!

И тогда, при мерцанье румянном
Ясных зорек в прохладные дни,
Отдохни, моя степь, под туманом,
Беззаботно и крепко усни.

К. Коровин
Праздничное гуляние
1930 г.

В номере:

3

Вера Новицкая
Хорошо жить на свете!

14

ВОСКРЕСНАЯ ШКОЛА
Алексей Суворин
Светлый праздник

17

РУССКИЙ МУЗЕУМ
Даниил Санкин
Основатель итальянской живописи: Джотто

21

РАССКАЗЫ
Василий Белов
Родничок

23

ИМЕНА
Олег Трушин
«Тихая родина» Василия Белова

26

БУХТИНЫ
Меленка-молодилка. Новгородская сказка

27

УГОЛОК РОССИИ
Сергей Иванов
Чуфут-Кале

30

ЛИЦЕЙ
Василий Никифоров-Волгин
Светлая заутреня

32

ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ
Сергей Глядков
Достижения цивилизации. Электричество

34

ЗЕЛЁНЫЙ ПАТРУЛЬ
Иван Соколов-Микитов
Подснежники

34

УМЕЛЫЕ РУКИ
Пасхальные курочки

35

СТРАНИЧКА ДЕТСКОГО ТВОРЧЕСТВА

Главный редактор
Юрий Козлов

Зам. главного редактора
Екатерина Рощина

Художественное
редактирование
Татьяна Погудина

Зав. производством
Елена Шевцова

Компьютерная вёрстка
и цветоделение
Александр Муравенко

Главный бухгалтер
Людмила Дьячкова

Зав. распространением
Ирина Бродянская

Юрисконсульт
Виктор Кудинов

Журнал для детей среднего
школьного возраста

Выходит один раз в месяц

С 1996 года рекомендован
Министерством общего
и профессионального
образования РФ
для внеклассного чтения

Подписные индексы в каталоге
агентства «Роспечать»:

72766 — на полгода

71899 — на год

Учредитель: ЗАО «Роман-газета»
Адрес редакции: 107078, Москва,
ул. Новая Басманная, 19.

Тел.: 8 (499) 261-84-61

Факс: 8 (499) 261-49-29

E-mail: roman-gazeta-1927@yandex.ru

Основан в 1995 г.

Журнал зарегистрирован
в Комитете Российской
Федерации по печати.

Свидетельство о регистрации
№ 01384 от 27 июня 1995 г.

Отпечатано
в ОАО «Первая Образцовая
типография»

Филиал «Чеховский
Печатный Двор»

(142300, Московская обл., г. Чехов,

ул. Полиграфистов, д. 1)

Факс: 8 (496) 726-54-10,

Тел. 8 (495) 988-63-87

Многоканальный телефон отдела

продаж услуг: 8 (499) 270-73-59

Сайт: www.chpk.ru

e-mail: marketing@chpk.ru

Тираж 3000 экз.

В розницу цена свободная

Заказ № 1166

© «Роман-газета», 2015 г.

Выпуск издания осуществлён
при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям

Авторов материалов,
использованных в этом номере,
просим обращаться в редакцию

Вера Новицкая

Художник Ю. Устинова

Хорошо жить на свете!

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ СЧАСТЛИВОЙ ДЕВОЧКИ

Посвящается моим детям

Кто я и что я думаю

Итак, я начинаю записывать свои воспоминания. Со мной часто случаются такие интересные вещи, и потом я так много чего замечаю и думаю, что, если эти листочки попадут когда-нибудь моим внукам или правнукам, право, они не проскучают, читая их.

Прежде всего скажу, кто я и что я.

Мне девять лет и зовут меня Марусей, но называют просто Мусей, а двоюродный брат, Володя, почему-то Муркой. Ведь мальчики всегда что-то не людски делают! Красотой я не отличаюсь... Зато мамочка моя прехорошенькая! Положим, это не совсем всё равно, но всё-таки приятно, что в семье есть кто-нибудь, кем можно похвастаться. А уж мамочкой своей смело могу гордиться: красавица она настоящая и совсем, совсем молоденькая! Её все извозчики за барышню принимают, когда мы с ней идём по улице: «Пожалуйста, барышни, лихо прокачу!» Да и не одни извозчики, а все решительно не могут надивиться, как у такой молоденькой, хорошенькой мамочки такая большая толстенная дочь, так как тумбочка я порядочная.

Папа и мама всегда повторяют мне, что я дурнушка; но от этого читателям ещё ясно не станет, какова я, потому что и дурнушки бывают разные. Сейчас объясню поподробнее. Волосы у меня чёрные, вьющиеся, довольно короткие, которые приводят в настоящее отчаяние мою бедную мамочку: как их ни причеши — через полчаса торчат во все стороны («как у индейского царя», говорит Володя). Глаза у меня тоже совершенно чёрные, и папа называет их «тараканчиками». Нос у меня немного кверху, и противный Володька уверяет, что через него видно всё, что я думаю. Конечно, это глупости, и говорит он это только, чтобы дразнить меня, но какое счастье, что на самом деле так быть не может! Ведь это было бы ужасно, если бы старшие иной раз увидели, о чем я думаю! Вообще моему бедному носу не везёт: мамин брат, дядя Коля, тот всегда притискивает мне нос большим пальцем, приговаривая: «дзинь-дзинь!» и уверяет, что фасон — чудный для пуговки электрического звонка. Лицо у меня круглое, беленькое, и щёки всегда розовые; но дядя Коля и тут нашёл к чему придраться и говорит, что оно точно циркулем обведено. По-моему — неправда: лицо как лицо. Да кроме того, разве это плохо, если обведено, как циркулем, значит аккуратное, не кривое — косое какое-нибудь.

Много бедной мамочке труда стоит заниматься со мной; очень мне её жаль, но что же делать, когда, как нарочно, во время урока мне всё что-то посторон-

нее в голову лезет, и никак я не могу думать о том, что мне объясняют. Одни задачи у нас идут довольно благополучно, и даже мамочка меня хвалит, а уж она даром никогда этого не сделает.

Кто знает, быть может, из меня когда-нибудь выйдет знаменитая женщина-математик. То-то публика тогда наперерыв кинется читать мои воспоминания! Но когда это будет? А теперь надо ещё уроки на завтра учить.

Перечитала с самого начала всё написанное. Какое счастье, что мамочка не видела этих строк! Не говорю уж про кляксы, но ошибки такие, что я некоторые слова сама еле разобрала... Стоит ли писать дальше? Пожалуй, моё потомство ничего не разберёт?.. Впрочем, если только это попадёт в печать, то в канцелярии, или в редакции (как оно там называется?), вероятно, раньше все ошибки поправят. Вон какая масса книг печатается, а ведь ошибок никогда там не бывает; не может быть, чтобы все писатели были уж так хорошо грамотны! Выдумать рассказ не трудно, но чтобы никто, никто решительно из сочинителей никогда не ошибался в букве «ять» и в окончании «ешь» и «ишь», никогда не поверю!

Буду писать дальше — поправят!

Наша семья. Мои куклы

Кроме меня, детей у нас нет в доме. Это ужасно! Уж как я прошу у мамочки сестру — нет, так и не могу допроситься! И главное, им же самим хуже: если б я была не одна, я бы гораздо меньше им надоедала, а так мне скучно; великое, подумаешь, удовольствие сидеть с француженкой и разговаривать! Да и придира она: что я ни скажу, непременно поправит, всё не так, всё не по её; мудрит только; а кто её знает, сама-то она верно ли ещё говорит? Была бы сестра, совсем другое дело; мы бы вместе играли, бегали; даже учиться было бы веселей, а то одна да одна!

Папа и мама с утра уехали на похороны одного знакомого старичка-генерала, а потому уроков у меня не было. Mademoiselle рада-радешенька, и сейчас же заперлась в своей комнате, уткнувши нос в какую-то книжку. Она всегда так делает, когда мамы дома нет. Я со скуки пошла разыскивать свою куклу Зину, которая давно уже, бедняжка, не одетая и некормленная, сидит в своём кресле в детской за шкафом; а около неё на кровати лежит маленькая Лили.

Взглянула я на них, и совестно мне стало. Мне всё почему-то кажется, что куклы всё понимают, они не могут говорить, не могут двигаться сами, но я убеждена, что и они чувствуют всё, и грустят, и радуются. Вот и теперь мне показалось, что Зина с таким укором взглянула на меня! Я вообще её меньше люблю, чем хорошенькую белокурую Лили, я хотя и стараюсь этого не показывать: если поцелую одну, то и другую; если же Лили и перепадает иногда лишней поцелуй, то где-нибудь в другой комнате, когда я убеждена, что Зина не может видеть. Я вообще больше люблю кукол с мягким туловищем, набитым опилками, и с фарфоровыми головами, с ними играть удобнее. Была у меня одна такая, её Тамарой звали, она у меня очень часто хворала, так я всегда после болезни делала в ней где-нибудь дырочку и высыпала из неё немного опилок; она, конечно, от этого худела; ну, тогда я начинала её лечить, везла куда-нибудь за границу или в Крым; там она поправлялась и возвращалась сильно пополневши. Для этого я сыпала ей прежние опилки, а иногда ещё и песку добавляла; выходило очень натурально. Один только раз я перестаралась и пересыпала песку, так что кожа не выдержала и лопнула; пришлось на это место заплаткушивать.

Я думаю что наши мамы для того и дарят нам кукол, чтобы мы с детства приучались быть добрыми, заботливыми матерями. Мне очень стыдно, и это даже, вероятно, грешно, но мне кажется, что я буду очень плохая мать и жена. Маленькие дети: это так скучно, так пищит, так надоедает, а если они молчат, как мои куклы, то ведь тогда так легко забыть про них, уйти в гости, а они останутся дома голодными.

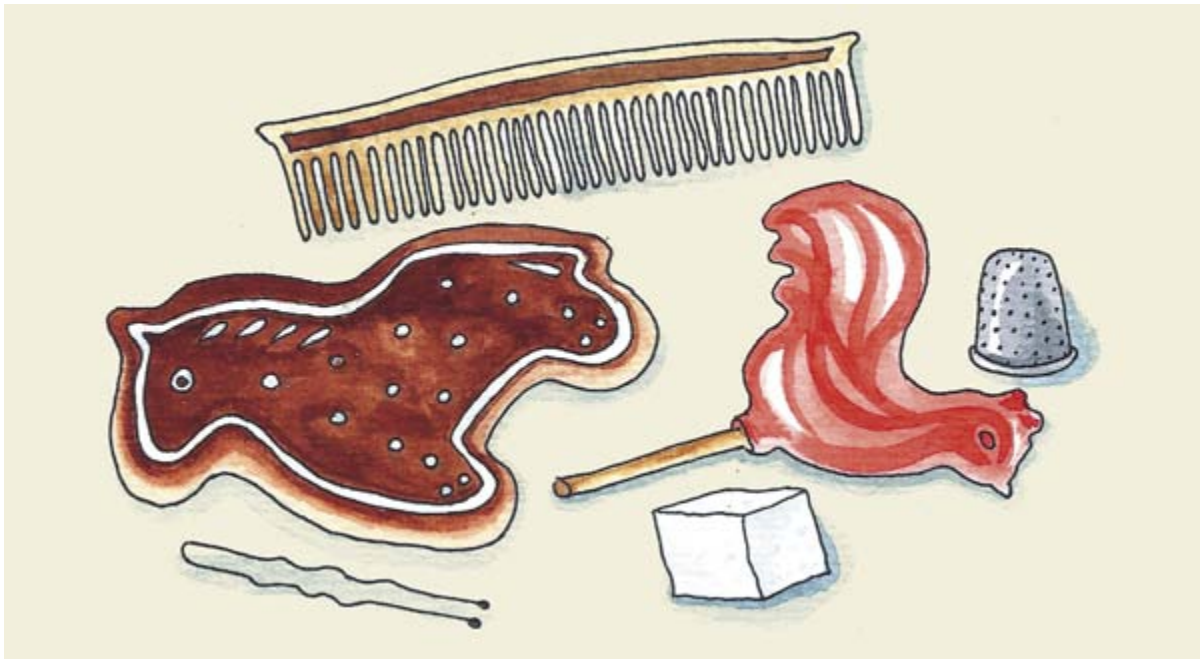
Вообще, что за охота выходить замуж? Что такое мужья? ведь вот все эти противные мальчишки, как Саша Соколов, Петя Угрюмов, Коля Стрепетов, да и все другие Володины товарищи, — ведь вот за кого мне, например, придётся выходить замуж. Сохрани Бог! Ни за что, ни за что замуж не пойду!!!

В три часа наши вернулись с похорон и с ними один папин сослуживец, Леонид Георгиевич. За обедом мама говорила, что старичка похоронили в церкви под плитой, что это стоило две тысячи рублей, но зато это чудно. Я совсем этого не поняла, но не хотела при чужом спрашивать. Зачем хоронить человека под плитой, когда можно его зарыть в землю? Да и для чего там плита? Кто на ней готовит? Я понимаю, если бы ещё там приготавливали пищу для святых, то была бы честь лежать под ней, но, во-первых, их нет на земле; а во-вторых, они бы и не ели ничего... Разве вот для священников варят?... Тогда, должно быть, только для холостых, потому что когда мы раз были у отца Ивана и там обедали, ему не из церкви приносили, а сама матушка в кухню ходила. И как это я никогда в церквях плит не замечала? Странно ужасно! Спрошу маму.

Война с mademoiselle. Мои познания

Уж очень много уроков мамочка задаёт; особенно досаждают мне французские диктовки. Прежде m-lle начала было мне их делать, но, кажется, она и сама не много лучше меня знает, потому что диктовки мои она всегда поправляла по книге, а однажды я её спросила, как писать слово mИchant, так она сказала, что через «ai»; мамочка это услышала и после того сама стала со мной заниматься.

Господи, какие эти французы бестолковые! И слова-то их пишутся как-то странно: напишут Бог знает сколько букв, а половина из них вовсе не произносится. А наша *m-lle*, ничего-то она не умеет: мамочка велела ей всегда чай разливать, а потом мыть чайную посуду, так, во-первых, чай у неё такой, что всегда «Кронштадт виден», а потом всякий раз она непременно или стакан раздавит, когда вытирает, или что-нибудь уронит и разобьёт; а уж, кажется, хитрость небольшая; сколько раз я эту работу делала, и папа говорил, что чай вкусный, и черепков потом с полу не приходилось подбирать.

А злющая она — всего злится: один раз вечером, когда я уже легла в постель, я и говорю: «*M-lle, il faut faire фю-фю la lampe!*»

Что же тут кажется скверного? А как она озлилась! С тех пор я нарочно всякий вечер ей повторяю: «*Il faut faire фю-фю la lampe*», и каждый раз её даже перекосит всю. Однажды она хотела схитрить: я ещё не успела сказать, а она уже взяла, да живо и потушила лампу, тогда я и говорю: «*Ah, vous avez fait фю-фю la lampe!*»! Она вышла и только дверью хлопнула. Это здорово вышло!

Ай, что я написала! Если бы мамочка видела! она терпеть не может этого слова и говорит, что это ужасный «*mauvais genre*». А мне так оно очень нравится! Это слово Володя принес из гимназии, у них все так говорят; чудное слово! И никаким ведь другим его не заменишь: «хорошо»... «удачно»... «умно» — все это слабо выходит, а скажешь «здорово», так здорово выйдет!

Господи, когда же наконец выдержу я этот несчастный вступительный экзамен! Ведь это совсем не так легко, потому что экзамен будет конкурсный — и слово-то какое трудное! Это значит, что принимать будут только самых лучших учениц, у которых будет по всем предметам не меньше «десяти». Ужас какой! а у меня до сих пор ещё по диктовке ни разу больше «восьми» не было, а то и такие диктовочки бывали, когда мама уверяла, что это просто ребус на премию (вон как в «Ниве» каждый год бывает). Но ведь ещё целое лето впереди; не может быть, чтобы все, все решительно девочки были грамотнее и умнее меня.

Мамочка какое-то письмо получила, что-то рассказывает папе; надо побегать узнать. Да, оказывается, что того старичка похоронили не под кухней, а просто под каменной такой доской в церкви; я совсем забыла, что это тоже плитой называется. Только бы Володька про это не узнал, — опять меня дразнить начнёт! Он и то забыть не может, как однажды, когда мне было три года, мамочка повела меня в собор, где были мощи троих святых; мне там очень понравилось, и я потом всё просила опять пойти «в цирк, где три боженки в красных туфлях лежат».

Мои хитрости с тётёй Лидушей

Письмо, которое мамочка вчера получила, было от тётёи Лиды (маминой сестры); она пишет, что приедет к нам погостить на целые две недели, пока мы на дачу не уедем. Я ужасно рада, я очень люблю тётёю Лидушу, она такая добрая, такая баловница; никогда не бранит меня и, что бы я ни сделала, всегда защищает меня. Мне немножко совестно, я во многом перед ней виновата, столько раз устраивала я ей всякие штуки. Правда, это было очень давно, мне было тогда всего пять лет, когда она гостила у нас целых три месяца. Ужасно она смешная, всегда все свои вещи растеряет и потом никак не может найти. Утром начнёт одеваться — гребня нет, шпильки пропали, кушак неизвестно куда исчез.

«Муся, Муся, поди, милая деточка, поищи мне гребень!» Я лечу... А он тут где-нибудь близенько и валяется себе под креслом или на ковре.

«Милая девочка, умница ты моя! Всё-то она разыщет! Нет такого другого ребёнка на свете! На тебе за это пряник!»

А пряники и леденцы никогда не переводились у тётёи Лиды: и сама она их любила, а главное, любила всегда всех угощать. Я до них тоже была большая охотница и находила, что вещи слишком редко пропадают, и мне слишком мало приходится зарабатывать, а потому я надумалась припрятывать некоторые из них. Слышу, поднимается в тётёиной комнате «возня», а я себе сижу как ни в чем не бывало, точно меня это и не касается.

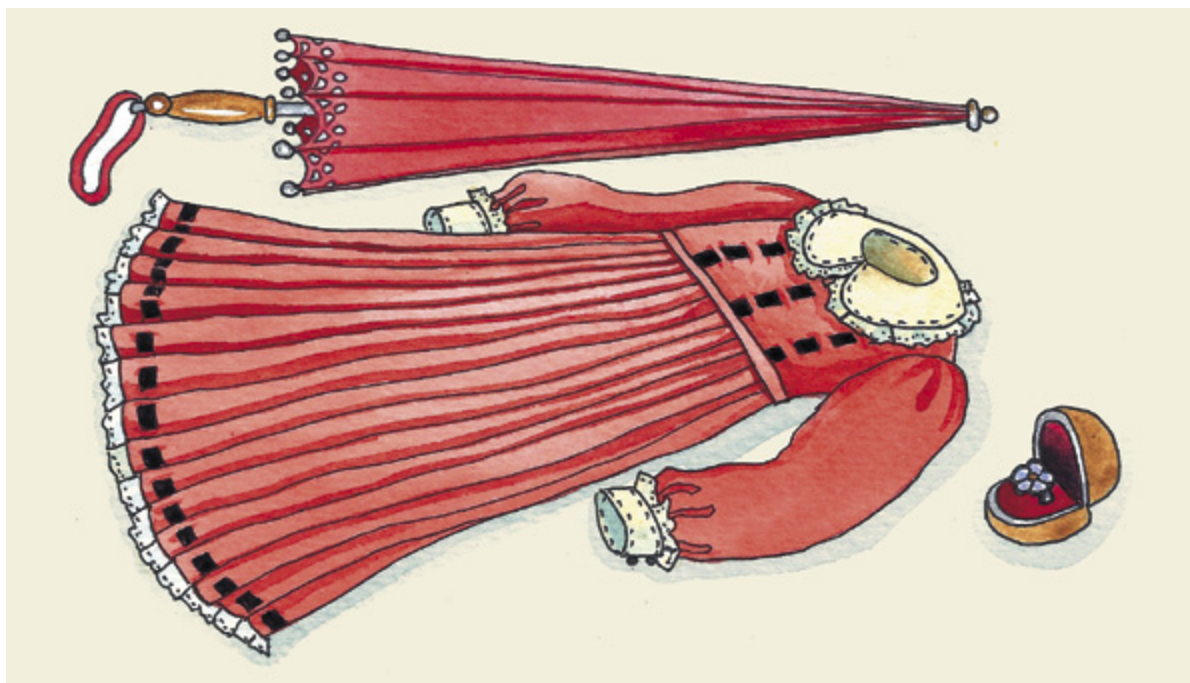
«Мусенька, золотая моя, поищи, куда мой напёрсток девался!»

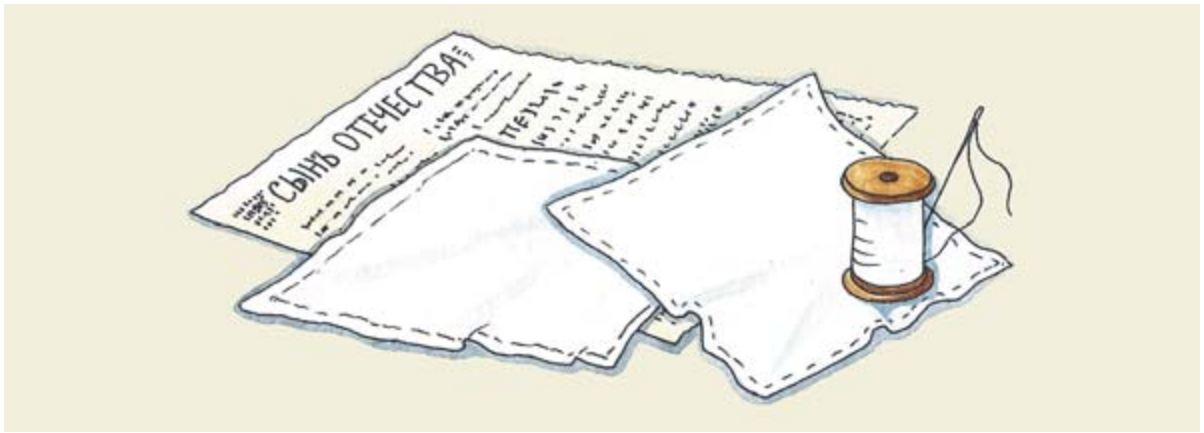
— Сейчас, тётёчка! — с самым невинным видом начинаю я заглядывать под все шкафы, во все углы, пока не дохожу до того места, куда старательно сама упрятала эту вещицу.

«Вот же он, тётёя, тут и лежит!»

Опять меня целуют, хвалят, дают леденцы.

А однажды-то что я сделала! Тётёя Лидя вставала всегда поздно, гораздо позднее меня, так что я, заглядывая по утрам в её комнату, всегда заставала её спящей. А спала она ужасно смешно, закинув голову назад и с широко-широко открытым ртом! Мне всегда хотелось положить ей что-нибудь в него, да всё страшно было. Но один раз я не выдержала: принесла из столовой кусок сахара и тихонько протиснула ей между зубами, а сама живо-живо убежала. Она в ту минуту не почувствовала, а потом, когда проснулась, страшно удивля-

лась, как такая штука могла случиться, и они много смеялись с мамой; я же в это время стояла отвернувшись спиной и застилала кукольную кровать.

Какая я была тогда гадкая девочка! Ведь мне тогда даже совестно не было! Бедная, добрая тётя Лидуша! Но теперь я большая, я понимаю, как это скверно, и уж конечно ничего подобного не сделаю.

Приезд тётки. Я учу Mademoiselle по-русски

Какой чудный день! Во-первых, приехала тётя Лидя, во-вторых, с утра пришли дядя Коля и Володя, и целый день мы страшно дурачились и веселились; об уроках и помину не было. Впрочем, я умудрилась-таки оскандалиться, собственно не я сама, но всё равно — скандал был произведён моими стараниями.

Но начну по порядку. Утром я упросила мамочку взять меня на вокзал встречать тётю. Долго мамочка упрямилась, но наконец согласилась — она у меня добренькая и послушная! Папа должен был непременно пойти на службу, а мы с мамочкой отправились вдвоём.

Ужасно я люблю бывать на вокзале: суета, толкотня, крик, шум — страшно весело! Потом я ещё одну вещь там очень люблю: бутерброды с икрой; они там особенно вкусные; дома совсем не то, да и у нас вообще икру редко подают, говорят «дорого». На вокзале, в ожидании поезда, я с аппетитом уплела два бутерброда. Вкусно!

Наконец, шипя и свистя, подкатил поезд. Вот и тётя. Она нашла, что я выросла и стала очень хорошенькая (Неприменно Володьке скажу! Вот тебе и «индейский царь»!) Дома тётя умылась, напилась чаю и позвала меня раскладывать вещи. Уж я знаю, что это значит: что-нибудь хорошенькое да припасено тётей для меня!

Конечно, я не ошиблась. В сундуке оказалось для меня чудное, красное, как рак, платье, всё в складочку, обшитое крем-прошивками с продёрнутыми чёрными бархотками. Ужасно красиво! И зонтик такой же — совершенно красный, как я мечтала. Это ещё не все: она подарила мне кроме того прелестное колечко, на котором из лиловых камушков цветочек, точно фиалочка. Вот прелесть! И ведь надо же так умно придумать!

Хоть Володька и говорит, что в этом костюме меня на даче индейские петухи заклюют или коровы на рога поднимут, но, конечно, это глупости, и я очень довольна. Сам же он получил от тёти настоящие чёрные часики и ликует, вообразил себя чуть ли не взрослым (тринадцатилетний карапуз!).

После завтрака мама, тётя и дядя Коля уселись в будуарчике, а мы с Володей отправились в детскую «парлякать» с М-ле. Сегодня и она даже что-то веселей высматривает, а когда мы ей объявили, что к обеду придёт Леонид Георгиевич, она и совсем прояснилась. Я даже наверно не знала, придёт ли он, а на-

рочно ей сказала; она почему-то ужасно любит, когда он приходит, сейчас же прифрантится и начнёт глаза закатывать.

Она недавно приехала из Франции и ни слова не понимает по-русски, вот мы и предложили её поучить. Я стала объяснять ей, что у нас самое большое приветствие сказать гостю: «Я в восторге, когда вы уходите домой!», что это значит: «Je suis charmue de vous voir», и посоветовала сказать это сегодня Леониду Георгиевичу. Ей в голову не пришло, что я хочу её «подкатить», и она усердно стала твердить, чуть себе язык не сломала. Потом мы ей ещё объяснили, что, когда гостей угощают, надо говорить: «Куда в тебя столько лезет»? И эту фразу она задолбила. Нам было ужасно смешно, и мы еле-еле удерживались, чтобы не фыркнуть ей в лицо. Сама она была очень довольна, что так скоро выучила столько слов.

Вот позвали нас обедать. Мы на ходу ещё раз нашёптывали ей её урок. Все уже сидели за столом, мы опоздали, так что m-lle только поклонилась гостю и поспешила начать разливать суп. Первую тарелку она передала тётке, потом маме, потом дяде Коле, потом, наконец, своему соседу Леониду Георгиевичу. Она закатила глаза, нагнула голову и, передавая ему тарелку, сказала: «Куда в тебе столько лезит»?

Все подняли головы и, с удивлением глядя на неё, начали смеяться. Она подумала, что всем очень понравилось, как она по-русски говорит, и продолжала, ещё больше вывернув глаза: «Иа всегда рада, когда ви уходит дома!»

Но тут все, кроме мамочки, так стали хохотать, что и она поняла, что здесь что-то не так, покраснела и, со слезами на глазах, выскочила из-за стола. Мамочка сразу сообразила, чьи это штуки, и покачала издали головой, а папа сделал мне «страшные глаза». Я сконфузилась, но всё-таки мне было очень весело и смешно.

Однако вечером мне дали хорошую головомойку и хотели наказать; но за меня вступилась тётя Лидуша.

А ведь стыдно, что я в первый же день при ней оскандалилась!

Что я думаю о войне

Вот уж почти неделя, как тётя приехала и живёт у нас. Милая тётя Лидуша, куда-куда только она меня не водила: и в музей, и в зоологический сад, и просто гулять. Даже когда мы и дома, мне жаль от неё уходить; ведь она и так уже скоро уедет — неделя прошла, осталась ещё всего одна. В настоящее время тётя и мамочка уехали куда-то с визитом, вот я и пишу.

Господи, какие сегодня папа ужасы в газете читал! Чего только не пишут об этой ужасной войне! А какие наши русские молодцы, как они хорошо бьются с этими противными желтоглазыми японцами, хотя тех и гораздо больше.

Но только я многого не понимаю, что там на войне делается: как это много солдат сразу могут стрелять? Ведь те, которые в задних рядах, подстрелят тех, кто стоит спереди! А потом ночью темно, выстрелишь и вместо японцев попадёшь в своих. Верно, часто так и бывает. Господи, и зачем, зачем они дерутся?!

У папы висит на стене карта Европы; так Россия на ней такая большая, такая большая, к чему нам ещё чужая земля, где живут эти противные японцы и китайцы? Если бы я была царицей, я не позволила бы, чтобы в моём государстве все эти уроды жили, всех поразогнала бы, — никого, кроме нас, русских!

Да, а наш-то домашний иностранец — mademoiselle, вот шипит-то теперь на меня! всё злится за то, что я её русские комплименты учила говорить.

Я очень рада, что я не мужчина и что мне не надо на войну идти! Какой ужас! Я всё равно никого бы не убила, а сразу умерла бы от страха. А теперь я, хотя и женщина, но пользу большую приношу; мамочка берёт шить бельё раненым, и я помогаю; я обрubiла целых два платка; очень хорошо. Мамочка почему-то говорит, что для офицеров они не годятся, а для солдат «сойдут». Я только не понимаю, отчего на войне солдатам нужны носовые платки? Здесь, дома, они всегда без платков сморкаются, так... Просто... Верно, там очень холодно, и у них насморк сделался, а уж, конечно, с насморком трудно без платка; я помню, когда у меня корь начиналась, то такой насморк был, что я по три платка изводила. Вдруг они все корью заболеют, ведь это заразительно! Вот был бы ужас! Бедные, бедные, солдатики!!

Теперь все про войну говорят, и в музее показывали движущуюся фотографию, — все картины из войны. Ах, как страшно, я чуть-чуть не расплакалась... Зато, как я смеялась, как мы смотрелись в музее в зеркала; забыла, как они называются... птичские... нет, не совсем, но похоже. В одном — все толстые, толстые и совсем махонькие смешные!! В другом — наоборот — все длинные, худые, как скелеты; а в третьем — ножки тоненькие, как у курицы, а голова громадная, как котёл; вот потеха!.. Звонки!.. Наши!..

Мамино рождение. Шарады

Третьего дня у нас было торжество в доме — мамочкино рождение. Вот весело было! Во-первых, я надела свое новое красное платье; право, оно мне очень идёт! На голову тётя Лидуша нацепила мне большой красный бант; по моему, прелесть; я нашла, что я совсем хорошенькая, да и не я одна, я слышала, как и гости про это говорили. А мамочка-то их всё упрашивала: «Ради Бога, при ней не говорите, а то она ещё станет воображать о себе и кривлякой сделается; а по-моему, ничего не может быть хуже неестественного ребёнка».

Так вот они, мамочкины хитрости! Она нарочно мне всё повторяет, что я дурнушка, чтобы я не зазналась!!!

Я опустила глаза и сделала вид, будто я ничего не слышала. А всё-таки приятно!.. Ну-с дальше! Днём мало было интересного, приходили визитёры, приносили цветы, конфеты.

Вот к обеду, тогда уже все свои пришли: дядя Коля, Володя, Леонид Георгиевич (на радость m-lle) и мамыны три молоденькие кузины — Женя, Нина и Наташа, которых я просто обожаю, такие они миленькие, а главное, весёлые, и всегда затеют какие-нибудь интересные игры. А за обедом какое мороженое вкусное было! И икра была, и сардинки, и многое другое. Люблю я всякие рождения и именины!

После обеда дядя Коля стал показывать разные фокусы на картах, а потом вдруг предложил: «Даю десять рублей тому, кто сделает такую вещь: на бу-

мажке правой рукой напишет большое русское Д, а в то же время правую ногу будет, не переставая, крутить в одну сторону».

— Что же тут трудного? — сказали все.

— Вот так хитрость, — сказала я, — сейчас сделаю!

Принесла бумагу, карандаш, стала около стола и начала писать Д и вертеть ногу. Не тут-то было! Как только рука делала крючок внизу буквы, как в ту же минуту и нога поворачивалась в другую сторону. Вот потеха! Все пробовали, все решительно, даже мамочка. Стоят кругом обеденного стола, пишат пальцем по скатерти и ногой болтают; как поворот в букве, так ногу и толкнёт в другую сторону. Леонид Георгиевич даже рассердился.

«Поди сюда, Володя; возьми меня за ногу, крепко держи и верти в одну сторону, а я буду писать».

Володька уж как крепко вцепился, но как дело дошло до крючка, так Володю с ногой вместе и повернуло — не удержал! Вот я смеялась! Я даже стоять не могла больше, так и присела на пол около стенки.

Потом начали играть в шарады. Это так играют: берут какое-нибудь слово, например, «щёточки». Первый слог «счёт», — второй «очки». Выходят все и начинают представлять какую-нибудь сценку так, чтобы тем, кто смотрит, ясно стало, что вся суть в слове «счёт»; вторая сцена — там нужно, чтобы поняли, что говорят про «очки»; потом целое, чтобы стало понятно, что это «щёточки». Это очень смешно, все взрослые до слёз хохотали. Мне особенно понравилась шарада: «сторож». Первая картина: общество сидит и болтает всякий вздор, а один господин (Володька), глупый и шепелявый, всё будто не понимает, что говорят, и всё спрашивает: «сто? сто?» Вторая картина: учитель с учениками гуляет в поле и объясняет им, какую пользу нам приносит «рожь», а целое... Это было просто уморительно! — мы вышли, Женя, Нина, Наташа, я и Володя и сказали публике: «То, что видите, помножьте на двадцать и прочтите целое».

Нас было пятеро — пять «рож», — если умножить на двадцать, будет сто рож, т. е. «сторож». Хорошо это Женя выдумала, недаром я её всегда «жуликом» называю. Вот хохотали мы! Мамочка немного поморщилась: не любит она таких слов, как «рожа». Странно, у нас с ней вкусы совсем не сходятся!

Я легла в тот вечер в половине второго; за то на другой день так голова трещала... т. е. болела, что я и записать ничего не могла.

Моя радость. Володина острота

Какое счастье — у нашей m-lle мать заболела! Фу... Как я это нехорошо сказала... даже стыдно стало... Бедная mademoiselle, она-то так убивается! Нет, конечно, это очень, очень грустно, когда мать заболевает (сохрани Бог, чтобы моя мамочка вдруг захворала); я хотела сказать: хорошо, что m-lle теперь уедет к ней во Францию, и мамочка решила, что другой гувернантки уж она теперь брать не станет, а таким образом я летом буду совершенно свободна. Вот надоели мне эти бонны!! Я прежде думала, что скучнее немки ничего на свете быть не может, но после того, как прожила полгода с m-lle Lucie, я и сама не знаю, что хуже. Французский язык, конечно, красивее и шикарнее немецкого, но зато немка хоть добрая была, а эта или шипела на меня, или перед зеркалом вертелась. Ей, верно, её мать никогда не говорила, что она дурнушка. Жаль!

Вот у нас смешная штука случилась! Пришла к тёте Лидуше её приятельница, Маргарита Николаевна; она очень бедная, даёт уроки, переписывает на какой-то машине и этим зарабатывает деньги. Пришла она днём и попросили её остаться обедать. Пришёл и дядя Коля с Володей. Вот за обедом дядя её и спрашивает, на каком языке её машинка может писать; она отвечает: «У меня их три, на всех». А Володька вдруг и выпали... pardon — спроси: «А что, вы могли бы на моём языке что-нибудь написать?»

Вот я фыркнула — на весь стол; да и все засмеялись, так это неожиданно вышло. Только мамочка поморщилась и сказала, что это совершенно «витц а ля Володя» (это у неё значит — глупо). Ужасно мамочка странная; иногда кто-нибудь, чаще всего Володя, что-нибудь такое смешное скажет, такое смешное, что я по столу катаюсь, а она говорит: «глупо». А между тем сама она очень остроумная, так всегда хорошо скажет, а вот чужие витцы плохо понимает.

Отъезд Mademoiselle. Письмо к герою

M-lle Lucie уехала. Бедная, она так плакала и так нежно прощалась со мной, что мне стало совестно, что я её так ненавидела; ведь она собственно ничего очень дурного мне не сделала. Чтобы её хоть немножко утешить, я ей подарила свой большой флакон с духами, она очень любит, а у меня от них только голова болит; ещё я ей отдала альбомчик с открытками; она была довольна.

Опять я слушала, как папа газету утром читал, и так мне понравилось, как один солдатик спас генерала и собой его прикрыл, так что тот остался жив, а его сильно ранили; я решила ему написать письмо и послать что-нибудь. Вот посоветуюсь с мамочкой, что купить, тогда сяду и напишу сюда черновик, потом перепишу.

Письмо:

Добрый Андреев!

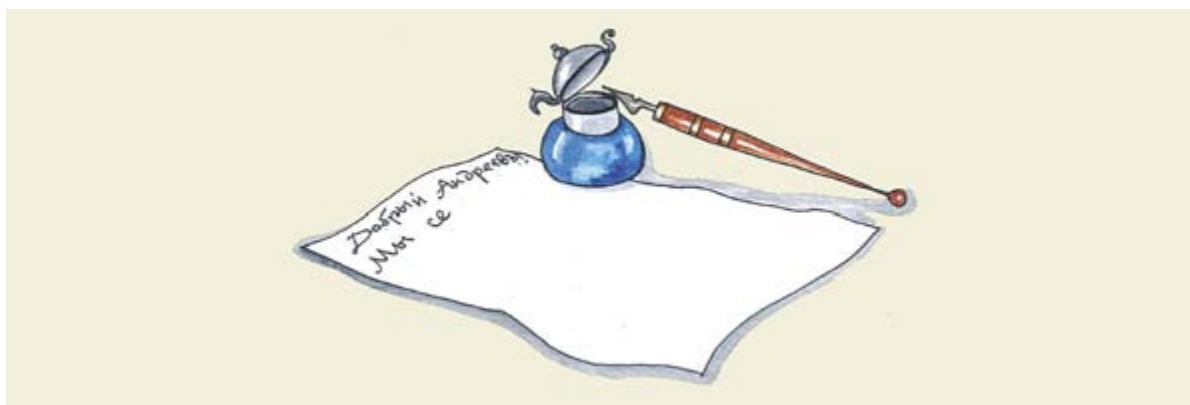
Мы сегодня читали в газетах, какой вы храбрый и как хорошо защищали своего генерала. Я очень рада, что вы так берегли бедного старичка, но мне очень вас самих жаль; ведь, верно, страшно больно, когда пуля попадёт. Ах, какой вы храбрый и как я вас люблю и всех, всех солдатиков наших люблю, —

они такие молодцы! Скажите им это; им может быть приятно будет; я сама всегда очень рада, когда меня похвалят.

Я бы хотела прислать вам что-нибудь очень хорошее, но у меня всего 2 р. 25 к; на них я куплю вам фуфайку, — мама говорит, что за 2 р. очень теплая; у вас ведь холодно, а в ней вы не простудитесь, это лучше, чем носовые платки, правда? Если насморка нет — на что они? Я, когда не простужена, совсем не сморкаюсь. А за 25 коп. я вам куплю жестянку монпансье, фабрики Ольденбургских, это и с чаем вкусно, и хорошо, если вы начнёте кашлять и в горле будет першить. А вы за это должны мне написать письмо и всё рассказать. Ведь вам офицеры не запрещают писать? Время у вас найдётся — ведь не постоянно же вы стреляете? А вам очень страшно, когда палят и японцы совсем близко подходят? Выучились ли вы говорить по-японски? Смешно, верно? Напишите мне несколько японских слов. Больше нечего мне писать. Теперь я жду от вас ответа. Смотрите — не забудьте. Я так вас люблю и жалею, и всякий вечер молюсь, чтобы Господь вас всех спас от японцев и наградил за то, что вы такие храбрые молодцы.

Любящая вас Муся Старобельская.

Интересно: ответит он мне или нет. Ах, как бы мне хотелось получить письмо от героя!

Вера Сергеевна Новицкая (187(3?)–19??) Об этой замечательной писательнице мы знаем очень мало. Урожденная Шильдер-Шульднер. Окончила Литейную женскую гимназию в 1890 году. Фамилия по первому мужу Махцевич. С 1905-го по 1907 год Вера Сергеевна жила в Петербурге. Тогда же и были написаны её первые книги. Первые две книги были написаны Верой Сергеевной ещё до второго замужества и были подписаны «Вера Махцевич». В август 1908 года она стала помощницей начальницы в женской прогимназии города Лиды (тогда это была Виленская губерния Российской империи, после Первой мировой войны город принадлежал Польше, сейчас находится в Белоруссии). Там же вместе с одним из преподавателей гимназии, Федором Людвиговичем Новицким, Вера Сергеевна составила хрестоматию для подготовительных и первых классов средних учебных заведений «Уголки жизни». В 1909 году Вера Сергеевна выходит замуж за вдовца, Федора Людвиговича Новицкого, и берёт его фамилию. С тех пор её фамилия на книгах пишется как Вера Новицкая

(Махцевич), чтобы никто не забыл. С 1910 года прогимназия становится-таки гимназией, и с тех пор значится в справочниках как «Лидская частная женская гимназия Ф. Л. и В. С. Новицких», а Вера Сергеевна становится там начальницей. В 1915 году в ходе Первой мировой войны город Лиду захватывают немцы. Больше никакой информации ни о Вере Сергеевне, ни о её муже, ни о её детях нет. Написала она не так много книг. В первую очередь её перу принадлежит тетралогия о жизни Маруси Старобельской («Хорошо жить на свете», «Веселые будни», «Безмятежные годы» и «Первые грезы»), непосредственной и живой девочке, подробно описывающей свою жизнь. Одна из прелестей книги именно в неожиданно подробном описании обыденных в то время вещей. Муся — девочка из богатой семьи, единственная дочь любящих её родителей. Всё в её жизни, и дружба, и учёба, и шалости беззаботно и радостно. Рассказы Муси, непосредственные и искренние, смешные и наивные, — это записки счастливой девочки, которой хорошо жить на свете.

Алексей Суворин

СВЕТЛЫЙ ПРАЗДНИК

Великий пост канул в вечность. Великий пост! Соединяем ли мы, так называемые образованные петербуржцы, какое-нибудь особенное понятие с этим словом? Как же, соединяем. Оперы нет, нет театра, маскарадов, всех тех удовольствий, которые мы так любим; но зато — концерты, театр Буфф, театр Берга, шансонетки, процессы и проч. и проч.

Когда я пишу эти строки, передо мною проносятся другие, вовсе не петербургские сцены.

Мрачно выглядывает деревенская церковь, полная народа. У образов горит несколько тощеньких свечек, полуосвещая тёмные лики икон. Одинокий дьячок, с косичкой назад, которую он заплел ещё на Масленице и с тех пор не расплетал за недосугом, невероятно быстро работает языком, так что до слуха прихожан доходит только какой-то гул да разве «аминь» с «Господи помилуй».

Выйдет священник в чёрном подряснике, станет перед царскими дверьми и заговорит «Господи, владыко живота моего». Церковь заохает от поклонов земных прихожан, от восклицаний: «Господи, милостив буде мне грешному». Ушёл священник, но народ все ещё молится, поклоны кладутся с каким-то ожесточением, и горячий лоб стучит о холодные церковные плиты. Древняя старуха упала ничком и плачет не вставая, и старческие уста бессвязно произносят слова молитвы. Рядом с нею, на коленях, обратив бледное, но молодое и

красивое лицо к иконе Божией Матери, стоит женщина; на глазах дрожат слёзы, губы двигаются судорожно... Вдруг грудь поднимается и раздаётся удушливый кашель. Слово из подражания, слышится кашель в другом, третьем месте. Старуха поднимается, глядит на закашлявшуюся молодуху и качает головой. «Плоха ты, — думает она, — касатка». Долго не умолкает кашель, как не умолкает молитва и не перестают с страстной верой останавливаться глаза на бесстрастных, холодных ликах икон...

И о чём молится этот народ так горячо? Какие великие преступления совершил он, чтоб молиться до истощения сил, чтоб томить свою плоть голодом? Он не фарисействует, он искренен везде и всегда, ему некогда фарисействовать. Он, бедный мытарь, горячо просит Бога отпустить ему прегрешения, смиловаться над его ниществом. Он верит, что голод — божеское поощрение за содеянные грехи... Он молит Бога-карателя, чтобы Он обратился в Бога милосердного и щедрого... В то время, когда мы с вами рыскали по магазинам, он слушал «страсти Христовы», чтоб научиться терпению у великого Страдальца.

Боже мой, как дорог, как радостен был когда-то для меня праздник Светлого Воскресенья!... — Завтра непременно встанем до света и пойдём смотреть, как солнце играет...

— Уж я не просплю. Я, ребята, всех вас разбуду. А кто не встанет — водой...

— Ну вот! Как не встать?... Дядя говорил, что уж очень расчудесно это солнце играет. Так, знаешь, взойдёт и по всему по небу заиграет...

— То ишь, как же это, братцы, взиграет солнце-то?

— А так — взиграет и баста. Потому солнцу оно тоже, братцы, радостно, что Христос воскрес. Дядя говорил, по всему по небу...

— Беспременно встанем. Сберёмся, ребятки, все на Гришкино гумно. Там эта куча навозу высокая. С вышины-то оно виднее.

— Вестимо, виднее...

И с замиранием сердца засыпаешь, и во сне видишь, как разрастается солнце, разрастается в громадные размеры, целые снопы лучей бросая по небу и ослепляя глаза. Глазам становится больно, и ты просыпа-

Художник Н. УСТИНОВ

ешься... Заря, заря! Скорей, не умывшись, летишь на Гришкино гумно. Ванька, Алешка, Петька, Гришутка — все там, все уж стоят на куче навоза и пялят глаза на восток, на побагровевшее небо... Ждём в благоговейном молчании; сердечки замирают и бьются в ожидании чуда.

— А ну, братцы, как оно нынче играть не станет.

— Беспременно станет. Гляди, небо-то какое. Чисто, облачини одного нету... Опять, дядя не соврёт...

— Известно. Что ему врать!

— Тише, ребята, вон, вон... Плывёт, плывёт, ребята... Ну, ребята, крестись!... Христос воскрес!... Гришка, что не крестись?... Ах ты ротозей, ротозей!...

— Не пихайся, малый. Чего дуришь? Будто без тебя не знаю...

— Плывёт, плывёт, ребята... Господи... Гляди, гляди какое большущее...

— Страсть!..

— Цыц! Ребята, молчи!.. Плывёт!.. Тссс...

Огненный шар выкатился и стал над лесом, не посылая ещё своих лучей... Но вот, кажется нам, что кружится что-то, вертится по солнцу, словно огневая волна, мы пялим, пялим глазёнки; волна кружится всё быстрее и быстрее, словно в середине солнца кто приводит в движение световые волны... Вдруг светом так и обдало нас, и река заблестела, заблестел и луг, и глазам стало больно от света... А тут трезвон сзади нас, такой весёлый, радостный, возбуждающий, и солнце забыто!..

— В церковь, ребята, в церковь!..

— Это беспременно Николашка, чёртов сын, так трезвонит... Ишь, выделявает, подлец, ишь выделяет!..

— А мне отец дьякон образок обещался дать носить, — кричит Гришка, улепёгвая во все лопатки...

— А хорошо этот Николашка выделяет... Слушай — так, братец ты мой, и выходит: «Трем-блин, трем-блин — четвертому пышка... трем блин... динь, динь, динь — трём...»

Церковь совершенно преобразилась. Куда девался мрак её, угрюмость икон, нечистота? Где эти рваные зипунишки, это уныние на лицах? Всё так весело, так довольно, так радостно раздаётся «Христос воскрес» и так твёрдо и с такою верою отвечается: «Воистину воскрес!» Солнечный луч пробрался сквозь окна и играет на стене... Над этой толпой, верующей и надеющейся с

наивностью непорочного дитяти, словноносится великий призыв: «Придите ко мне все трудящиеся и обременённые, и я упокою вас» — и они пришли, они уверовали в чудо и считают его совершившимся. «Христос воскрес!» — словно с этим воззванием, повторяющимся века целые, мир снова возрождается, снова мёртвые встают из гробов и старые кости облекаются плотью!

Погодите немного. Сейчас раздадутся громкие голоса: «Христос воскрес из мёртвых», и потянутся по деревне протяжно заключительные слова: «живот даровой», как произносят крестоносцы, гордо неся кресты и хоругви. Толпа мальчишек и девчонок окружает их, забегает вперёд... Рубахи белые, как снег, с красной вышивкой на плечах, шляпы с золотом и перьями, ленты развеваются из кос девушек и румяные лица блещут... Николашка не жалеет колоколов — и воздух гудит... В воротах хозяева встречают крестоносцев и батюшку...

— Христос воскрес!

— Воистину воскрес!

— С праздником... С великим праздником...

— Слава те Господи, дожили-таки!..

И радость, и поцелуи братские.

— Ох, Матвевна, как это тебе не стыдно в такой Великий праздник битые яйца давать... Ну, гляди, что это за яйцо? — говорит дьяконица, шествующая вместе с мужем и собирающая всякие даяния...

— А ты, что, чертёнок, не идёшь христосоваться? — кричит дьячок, увидев прижавшегося у печки пятилетнего Ваньку...

— Ванька, иди, иди! — толкают его. Ванька идёт несмело..

— Вот так. Ну... Христос воскрес!.. Ну, отвечай: воистину воскрес. Давай яйцо... Что, нет?.. Ну, вот на ж тебе от меня. Видишь, какое красное. Это, брат, сандалом так делают, дьячиха сама в город ездила... Ах, ты, малыш, малыш, ничего ты не смыслишь... А знаешь, кто такой Христос был?..

Но Ваньки уже и след простыл: до того ли ему теперь, когда дьячок дал ему красное яйцо, и он уж показывает его на улице, возбуждая зависть ребятишек и девчонок...

— Машка, давай христосоваться, — говорит парень девке.

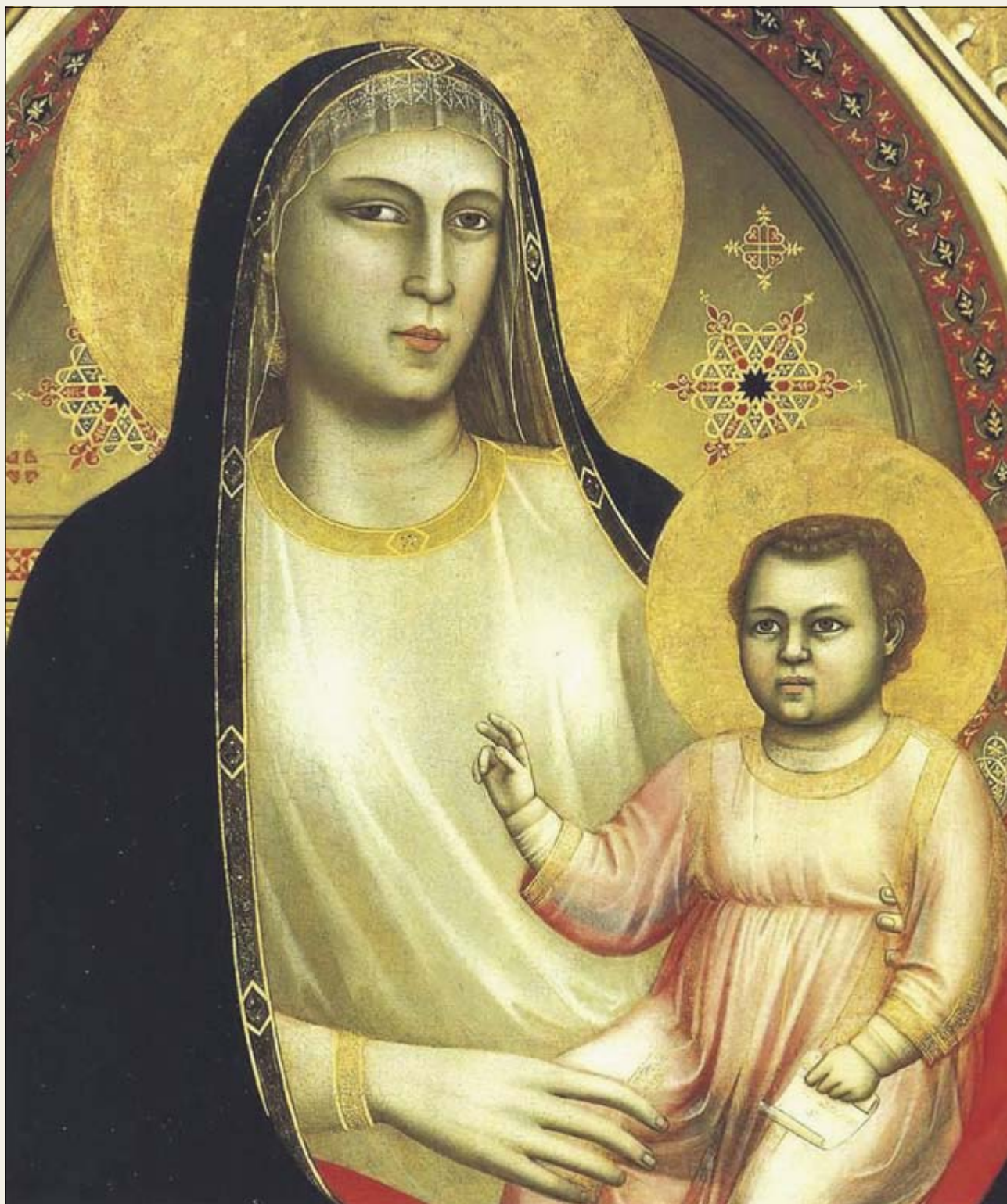
— Давай, — говорит Машка, краснея во всю щеку и утирая губы рукавом.

Парень наслаждается, впиваясь губами в губы девушки и медленно отрывая их, чтоб впитаться снова, до трёх раз!..

ДЖОТТО

Окончание. Начало см. в № 3/2015

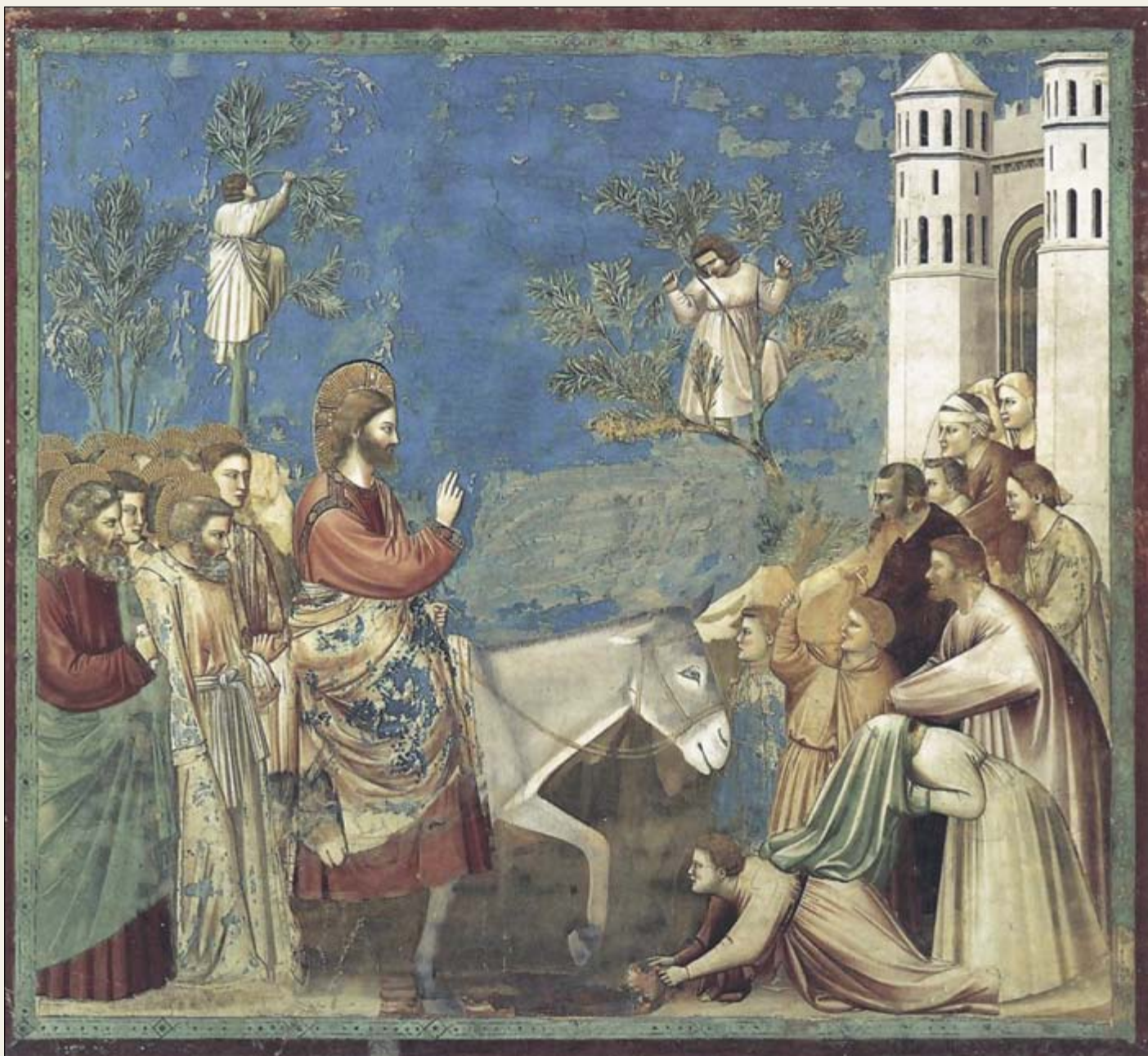

Рождество Христово

Явление Христа Марии Магдалине. Ок. 1320 г.

Пространственная перспектива, схожая с перспективой фресок верхней церкви Сан-Франческо, появится в цикле росписей в капелле дель Арена в Падуе. Между 1303 и 1305 годами создано это главное произведение Джотто. Иногда Джотто называют также архитектором капеллы (этот вопрос оспаривается многими исследователями), но несомненно, что именно ему принадлежат фрески часовни. Работа художника в капелле, выполненная по заказу гражданина Падуи

Вход в Иерусалим. 1304–1306 гг.

Рождество. Фреска. 1310 г.

Энрико Скровеньи, знаменует собой решающий поворот в развитии европейской живописи — появляется чувство пространства, в котором движется человек. Цикл состоит из тридцати шести фресок с изображением юности Христа и Страстей.

Для ранних работ художника характерны яркий свет и тщательная проработка деталей. Появление чувства пространства, композиционное мастерство, искусное смещение оптической перспективы, чтобы направить взгляд зрителя, необычайно светлые тона фресок, умение достигать живописных эффектов за счёт градации от-

Господь посылает архангела Гавриила к Деве. Фреска капеллы дель Арена в Падуи. 1306 г.

Предательство Христа

тенков — эти черты стали характерными приметами его неповторимого стиля Джотто.

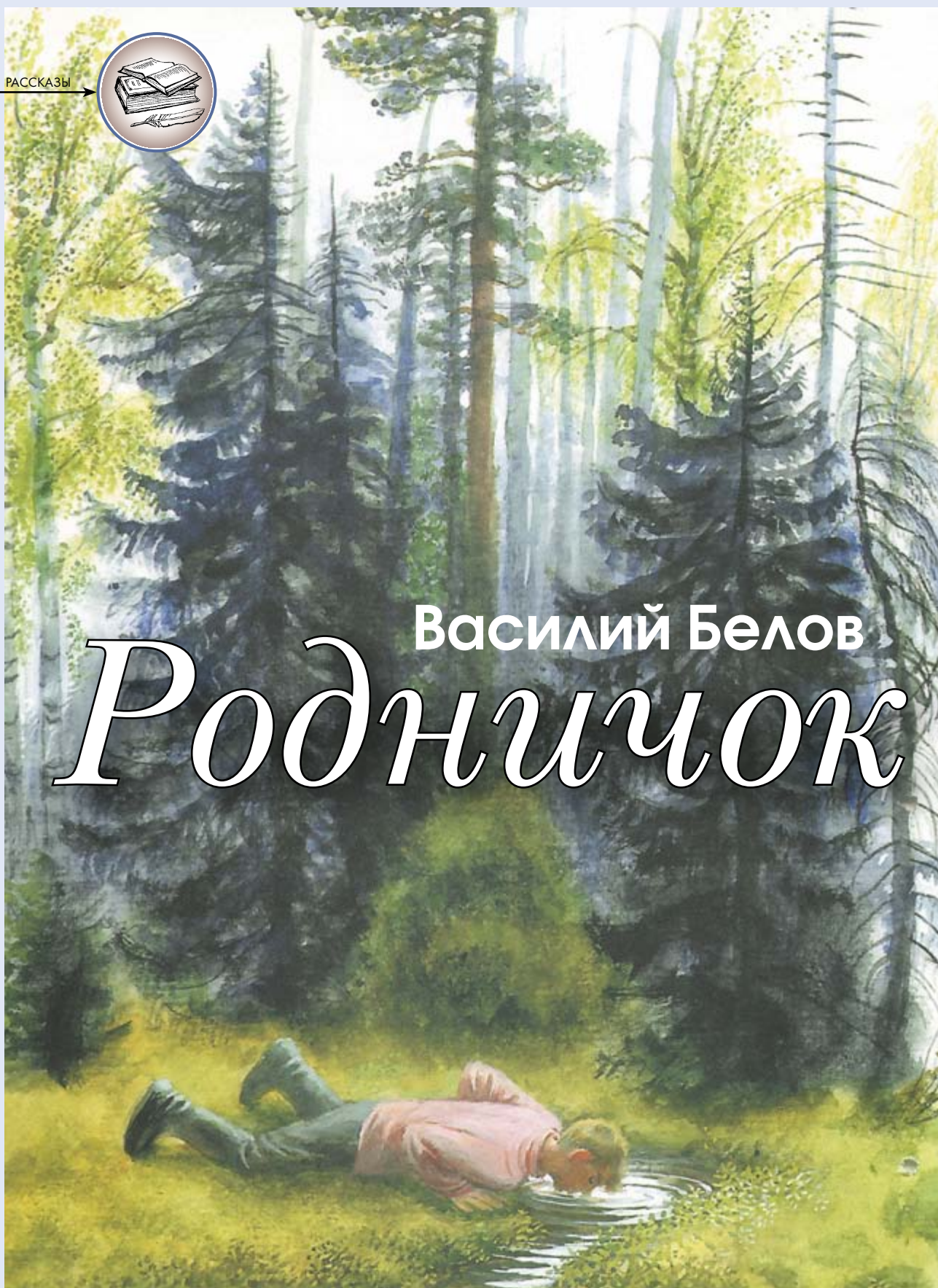
Весной 1334 года Джотто был назначен главным архитектором Флоренции с годовым гонораром 100 золотых. В свидетельстве о назначении особо отмечались знания и учёность художника (*scientia et doctrina*). В его обязанности входило руководство работами по строительству новой городской стены, ремонту мостов после паводка и возведению соборной колокольни Санта-Мария-дель-Фьоре — Кампанилы. Позднее художник был направлен флорентийским правительством в Милан для работы над фресками Аццоне Висконти. Джотто скончался 8 января 1337 года, вскоре после своего возвращения из Милана. Похоронен в соборе Санта-Мария-дель-Фьоре.

Оплакивание Христа

Вознесение Христа

Художник Н. УСТИНОВ

Василий Белов

Родничок

Утром родился в поле родничок. Только солнышко поднялось, ещё и трава не обсохла, а пчёлка уже летит на работу — сок с цветов собирать. Говорит пчёлка родничку:

- Родничок, родничок, ты откуда взялся?
- Буль-буль-буль... Я не знаю. Я ещё маленький.

— Родничок, родничок, — говорит пчёлка, — дай водицы попить.
— Буль-буль-буль... Пей досыта, пожалуйста. Напилась пчёлка, сказала «спасибо» и улетела.

Окреп родничок, веселее забулькал, и солнышко выше поднялось.

Летит птичка-синичка. Увидела родничок и спрашивает:

— Родничок, родничок, ты откуда взялся?

— Буль-буль-буль... Пила из меня водицу пчёлка, у неё и спрашивай.

— Дай и мне, родничок, водицы попить.

— Буль-буль-буль... Пей досыта, пожалуйста.

Сказала птичка-синичка «спасибо» и улетела по своим делам, а родничок ещё глубже стал, ещё светлее. Поднялось солнышко ещё выше. Стало в поле совсем тепло.

Бежит зайчик — серые ушки. Увидел родничок и спрашивает:

— Родничок, родничок, ты откуда взялся?

— Буль-буль-буль... Пила из меня водицу пчёлка, потом птичка-синичка, у них и спрашивай.

— Дай, родничок, и мне водицы попить.

— Буль-буль-буль... Пей досыта, пожалуйста.

Попил зайчик, сказал «спасибо» и ускакал по своим делам. Ещё шире стал родничок, знай булькает. А солнышко на самый верх поднялось, в поле жарко стало.

Идёт мимо Маша с ведёрком. Увидела родничок и говорит:

— Родничок, родничок, ты откуда взялся?

— Буль-буль-буль... Пила из меня водицу пчёлка, потом птичка-синичка, потом зайчик — серые ушки, у них и спрашивай.

— Дай и мне, родничок, водицы попить.

— Буль-буль-буль... Пей, пожалуйста.

Зачерпнула Маша воды ведёрком, попила, сказала «спасибо» и побежала по ягоды. Совсем глубокий стал родничок.

Идёт мимо с покоса дедушка с котомкой, увидел родничок и говорит:

— Ах, какой родничок хороший! Откуда ты такой взялся?

— Буль-буль-буль... Пила из меня водицу пчёлка, потом птичка-синичка, потом зайчик — серые ушки, потом Маша с ведёрком. У них и спрашивай.

— Дашь, родничок, и мне водицы попить?

— Буль-буль-буль... Пей досыта, пожалуйста.

Попил дедушка водицы, посидел на травке, сказал «спасибо» и пошёл дальше.

Ещё шибче забулькал родничок, ещё чище стала вода в нём. И трава расступилась вокруг, обогнула родничок весёлая тропка.

Вдруг летит болотный комар. Не спросил ничего, напился воды, «спасибо» не сказал и сидит на листке, ногу отставив в сторону. Долго так сидел, потом спрашивает:

— А ты откуда взялся?

— Буль-буль-буль... Пили из меня водицу пчёлка, птичка-синичка, зайчик — серые ушки, Маша с ведёрком, дедушка с котомкой. У них и спрашивай.

— Экой ты, родник, — говорит комар, — всех подряд водой поишь. На всех не напасёшься, береги для себя воду.

Сказал и улетел на болото. Начало солнышко садиться. Летит пчёлка домой с поля. Спрашивает у родничка:

— Можно водицы попить?

— Буль! На всех не напасёшься.

Улетела пчёлка. Летит птичка-синичка и тоже к родничку:

— Можно водицы попить?

— Буль! На всех не напасёшься.

Прибежал зайчик-серые ушки, прошла Маша с ягодами, прошёл с покоса дедушка с котомкой — никому родничок не дал водицы попить.

А солнышко всё ниже, ниже. Трава всё выше, потерялась тропка в траве, стало тихо. Затянула водицу зелёная ряска, потом появился и мокрый мох.

— Буль! — сказал родничок и заглох.

Не стало в поле родничка, одно топкое место — раздолье для комаров.

Олег Трушин
Фото автора

«Тихая родина» Василия Белова

От Вологды до Тимоники — путь не близкий, почти в сто, пятьдесят вёрст будет, через районный Харовск, и другой дороги нет.

Непостоянна дорога в ровности пути — то на холм взбежётся, то вниз приспустит, а то, словно задумавшись, потянется ровной лентой, убегая в даль.

«Много существует всяких дорог. Больших и малых. Шумных и не очень. Затаившихся в лесу тропок и оживлённых магистралей, выхлестанных потоком машин. Но самая главная в жизни дорога — это дорога к родному дому, дому детства, и, как ни уходи по ней в большую жизнь, она непременно будет звать тебя обратно, поджидая день и ночь, чтобы, как прежде, прихватить тебя

стёжкой-тропкой и отвести под родной кров, откуда ты вышел в большой мир» — так образно, светло и чисто писал о своей дороге детства Василий Иванович в одном из своих произведений.

От самого села Шутова правит дорогой река Кизьма. Дорога тянется её берегом, то близко подходит, а то в сторону отклоняется.

И вот она — Тимониха. Указатель у дороги направляет на съезд к нескольким домишкам, что чернеют на самом холме.

Дом Белова на самом взгорье. «Домик с веником у порога, // С вековой четой берёз, // Он стоит у большой дороги, // Незаметен собой и прост», — писал в одном из своих первых стихотворений двадцатичетырёхлетний Василий Белов. Ровный, высо-

Василий Иванович Белов

кий на подъёме, о шести оконцах на северный манер, что смотрят на деревенскую улицу. Узорчатая резьба по всему карнизу. Закрытые под короб углы. Седина по стенам.

Справа по углу дома приутился зелёной змейкой

Никольская церковь

куст хмеля. Ухватился цепкими плетями за бревенчатые уступы и дотянулся до самого карниза и, словно облокотившись, на оконце завис.

Образ своего тимонинского дома Василий Иванович отлично вывел в повести «Плотницкие рассказы»: «Когда-то дом был главой целого семейства построек. Стояло поблизости большое, с овинном, гумно, ядрёный амбар, два односкатных сеновала, картофельный погреб, рассадник, баня и рубленый на студёном ключе колодец. Тот колодец давно закрыт, и все остальные постройки давно уничтожены...»

Тенистый уголок беловского подворья. Пара лиственниц, берёза, посаженные в ряд, да куст калины у самого заборного штакетника. Гульбой теней играют кроны деревьев на стене дома. Ключьями облепили стены. Пестрят. Малое, как у нас говорили в деревне, слуховое

оконце, обрамлённое вязью кружев, одно-одинёхонько на всю сторону палисада. Не простое это оконце, а память прадедова. Михаил Григорьевич Коклюшкин в такую красоту окошко обрядил. Сколько годков прошло, а оно как нынче набрано, толь-

берёзово, дышит сосново. // На вид она, может быть, и неказиста. // Зато в ней светло, и уютно, и чисто...» — так поведал о бане Василия Ивановича поэт Анатолий Передреев в стихотворении, которое так и назвал «Баня Белова».

Дорога на Тимониху

ко поблекло от времени.

Открываю слегка просевшую в петлях калитку, захожу во двор. Цветочная клумба с красными тигровыми лилиями, кустики флоксов, космеи. За домом разросшаяся рябина, а под ней низенькие кустики смородины с пробивающимися сквозь них стебельками крапивы. У протянутого заборного прясла, что прямо за домом, поленница берёзовых дров.

На самом окоёме усадьбы выстроена баня. Это новодел, что прошёл на смену старой отцовской бане. Ну а уж про ту, старую беловскую баньку, сколько сказано написано не счастье. Тропку к ней каждый гость беловского дома знал. Рубцов, Абрамов, Распутин, Шукшин да ещё много кто из отечественных литераторов переступал её порог. Как тут не назвать её «литературной»? «По-чёрному топится баня Белова. // Но пахнет

Ныне, как и прежде, усадьба беловского дома прямо в петлях калитку, заходит во двор. Цветочная клумба с красными тигровыми лилиями, кустики флоксов, космеи. За домом разросшаяся рябина, а под ней низенькие кустики смородины с пробивающимися сквозь них стебельками крапивы. У протянутого заборного прясла, что прямо за домом, поленница берёзовых дров.

Ныне, как и прежде, усадьба беловского дома прямо в петлях калитку, заходит во двор. Цветочная клумба с красными тигровыми лилиями, кустики флоксов, космеи. За домом разросшаяся рябина, а под ней низенькие кустики смородины с пробивающимися сквозь них стебельками крапивы. У протянутого заборного прясла, что прямо за домом, поленница берёзовых дров.

Ныне, как и прежде, усадьба беловского дома прямо в петлях калитку, заходит во двор. Цветочная клумба с красными тигровыми лилиями, кустики флоксов, космеи. За домом разросшаяся рябина, а под ней низенькие кустики смородины с пробивающимися сквозь них стебельками крапивы. У протянутого заборного прясла, что прямо за домом, поленница берёзовых дров.

Если вам посчастливится побывать в тимонинском доме Василия Ивановича, то вы не увидите в доме чего-то особенного, необычного, не свойственного деревенской жизни. Всё до предельного просто, по-деревенски.

Возможно, вас удивит низкий дверной проём, рубленый на северный манер, а может быть, лестница, что левой боковиной прилегла к бревенчатым стенам, или массивная скамья у стола (се-

годня не в каждом доме увидишь такую мебель), или же, скажем, закопчённый чугунок, что также стал большой редкостью в деревенских избах — цивилизация мало-помалу вытеснила эту некогда привычную кухонную утварь. Самотканые дорожки

Василий Иванович имел особую страсть. Да как тут её не иметь! Сам прожил с ней всё детство да юность. Сегодня в этой «зале» самое место доброму музею тимонинского быта быть.

Некрашенные, забуревшие от времени половицы. Нехи-

сих пор сохранились фрески. Хоть и выцветшие, сильно подтёртые, они ещё весьма просматриваются. По особым дням в церквушке и служба идёт.

Долгие годы разрушалась церковь, покуда не решился Василий Иванович с помощ-

Дом В. И. Белова

на крепких широких половицах. Чистые, ровно подрубленные стеновые брёвна. Божница в красном углу. Белые шторы едва прикрывают верх окна.

В оконном проёме зеркало в массивной оплётке самодельной рамы. Было похожее и в доме моего деда. В деревне всегда был мастер-краснодеревщик, который мог запросто заправить зеркало в изящно вырезанную раму.

Простенькие стулья, самодельный шкаф под посуду, смастерённый ещё отцом писателя. Чисто выбеленная печь.

Есть в доме Василия Ивановича и особая «зала», в которой собрана деревянная утварь, что уже давненько вышла из моды. И чего тут только нет: прялки, берестяные туески, коромысла и всякая другая всячина, без чего когда-то был просто немислим деревенский быт. К старой деревенской утвари

трая узорчатая вязь, вырезанная на двери-распашонке, что ведёт на кухню.

Карандашный портрет матери — Анфисы Ивановны — руки сестры Александры, на самом видном месте, в передней у окна. Проницательный взгляд, лёгкая, с мудрой лукавинкой улыбка. Вдохновитель беловского «Лада», Анфиса Ивановна всегда была рада гостям.

От Тимонихи дорога на Лобаниху к старому погосту недолгая. От деревни на подъём дорога берёт влево, и вот уже издали виден купол Никольского храма. На холме, у подножия которого расплалось подковкой небольшое озеро.

Белоснежным столпом поднялась Никольская церковь над Сохтой. Далеко видна. В пору лихолетий церковь была приспособлена под начальную школу. Так и устояла. Светлая, просторная. По пять окон с двух сторон. На стенах и куполе до

никами подлатать её, заложить прорехи, застелить пол, почистить внутри стены от плесени да замшелости, крышу покрыть, чтоб не текла. И самое главное, чтоб ожил храм, установить над куполом православный крест. Знавший плотницкое дело, Василий Иванович сам изготовил крест и водрузил его на главку.

Рядом с церквушкой старый заброшенный погост. Простой, деревянный крест на могиле Белова. Ещё не осыпался могильный холм, не запылил его травяной сор, и дубок-подросток в головах раскинул свои ветви в стороны. Пройдут годы, вырастет дубок в могучее дерево и накроет кроной последний приют Василия Ивановича плотной тенью. И вспомнилось мне тут: «Я дома, у себя на родине, и теперь мне кажется, что только здесь такие светлые речки, такие прозрачные бывают озёра...».

БУХТИНЫ

МЕЛЕНКА-МОЛОДНКА

Новгородская сказка

ЛУХИ-ТО ИДУТ, ЖАЛАННЫЕ ВЫ МОИ,

што ноне дохтура-то старых на молодых переделывают. Думают поди — этаку диковину удумали, што и видом не видано, и слыхом не слыхано. А оно всё в старину- то бывало... все-е бывало, родимы вы мои...

Да вот хоша нашу Новгородчину взять. И у нас-то делото бывало... Мельница, слышь ты, этака под Устюжной на горе стояла. Старых на молодых та мельница перемалывала. Так меленкой-молодилкой и прозывалася. В ковш-то стариков да старух засыпали, а с-под жерновов-то молоды парни да девки так и сыпали... так и сыпали... Один другово краше, одна другой ядрёней. Што кровь с молоком, не уколупнешь... Вить и моя бабка перемалыватца ходила. Ходила, жаланны вы мои, ходила, да не перемололася... Этако-то дело-то, вишь ты, вышло неладное...

Приплелась этта бабка-то на мельницу, а и сидит мельник-то. Сидит мельник, матушки вы мои, пишет што-то. Ан эфто ен грехи спрашивает да переписывает.

— А пошто, батюшко, грехи-то пишешь? — это бабка-то спрашивает.

— А без тово, бабушка, не мелем. Вот и ты сказывай, всё дочиста сказывай, а утайшь — не перемелешьси...

Бабка-то, покойница, и зачала грехи-то сказывать. А ен пишет, матушки вы мои, да подговаривает:

— Упоминай, бабушка, хорошенько упоминай... а то не перемелешьси...

— Да уж, кажись, батюшка, все те выложила... А куды ж это, мой батюшка, грехи-то мои топерича пойдут?

— А вот, — говорит, — бабушка, как молоденькой-то с-под жернова-то выка-тишься, так и зачинай споначалу — всё сызнава.

Так бабка-то руками сплеснула...

— Ох, ты родимой! Да нельзя ль хоть пяточек-то скинуть... вот энтии-то...

— Нельзя, — говорит, — бабушка!..

— Ну, хоть три-то самоглавнии-то...

— Не, бабушка, што есть, то и есть — ни одново не скидаецца...

— Ну хоть один-то... вон энтот... уж больно тяжелёнек...

— Сказано, бабка, нельзя... нельзя и есть.

Так бабка-то моя и перемалыватца не стала.

— Ну, так Бог с тобой и с мельницей твоей, мой батюшко!.. Грех-то бывает и сладок, да отрыжка-то от него горьконька на всю жисть оставаецца.

Да и поплелась старая восвоеси, не оглядываучись...

Так вот, жаланны вы мои!.. Кабы знато, кабы ведано...

Попомнить бы нонешним-то старикам мою-то бабушку...

Чуфут-Кале

Среди пещерных городов Крыма Чуфут-Кале — один из самых доступных. Ведь он расположен рядом со знаменитым Бахчисараем, куда едут многочисленные экскурсии. В Бахчисарай легко попасть и самостоятельно. И если уж вы туда попали, не полнитесь пройти пару километров от ханского дворца по дороге, ведущей к Успенскому монастырю, а затем подняться в гору.

Горная дорога хоть и крута, но почти на всем протяжении укрыта от солнца листвой растущих вдоль неё деревьев. И только последний отрезок, самый крутой подъём, идёт по голой скале. Если там и росли когда-то деревья, они были срублены на дрова ещё древними жителями Чуфут-Кале.

Ранняя история города известна только приблизительно. Предполагается, что первую крепость на этой горе построили византийцы-ромей. До наших дней сохранилась огромная стена из ровных каменных блоков и арка ворот. Каменные блоки не только аккуратно пригнаны друг другу, но и склеены цементным раствором, благодаря чему стоят спокойно тысячу лет. Впрочем, чему здесь удивляться? Римская архитектура и строительные приемы до сих пор остаются непревзойдёнными. Инженерная мысль до сих пор не придумала ничего принципиально

нового, чего не было бы известно римлянам. И бетон, и обожжённый кирпич — основные строительные материалы современности — были впервые применены строителями Римской империи, а Византия — это восточная часть империи.

Византийская крепость была небольшой по площади. Считается, что Чуфут-Кале тогда ещё не был городом, а представлял собой мощный форт, где стоял небольшой гарнизон. Лишь в случае опасности окрестные пастухи стогнали своих овец под защиту римских стен и сами укрывались там.

Эти укрытия сохранились — они представляют собой небольшие пещеры с вырубленными в скале лавками, отверстиями в полу для амфор и поилок, окнами. Во время осады и обстрела мирные жители могли скрываться в таких пещерах вместе со своими животными. Ну а когда кончалась осада — обыватели покидали крепость или возвращались в свои городские дома на поверхности.

Древняя крепость была защищена не только стеной, но и рвом, вырубленным прямо в скале. Правда, ров этот глубиной всего с метр, и вряд ли препятствовал движению вражеских воинов. Непохоже и на то, что его засыпали — наоборот, археологи давно уже раскопали его и обнажили дно.

Эта странность, конечно, имеет простое объяснение: ров был вырублен, чтобы помешать стенобитным машинам подойти вплотную к стенам. Действительно, солдаты могли спуститься в ров и затем подняться из него, но многотонное стенобитное устройство, если оно свалится вниз, будет уже невозможно поднять. Врагам придётся разбирать его на части и снова собирать на другой стороне рва, но защитники крепости вряд ли позволят это сделать у них на глазах.

Были ли римляне-византийцы первыми, кто построил жилища и укрепления на вершине этой горы возле Бахчисарая? Вряд ли. Наверняка удобную возвышенность использовали в случае опасности аборигены этих мест — тавры и скифы. Ведь и впоследствии, когда византийцы покинули крепость, она не опустела: город заселили готы и крымские хазары — караимы. Хазары и караимы исповедовали иудаизм, поэтому следующие хозяева крепости, татаро-монголы, назвали город «Чуфут-Кале», то есть «Еврейская крепость».

Монголы расширили город, сделав его одной из своих столиц. При них и их наследниках крымско-татарских ханах Чуфут-Кале переживает свой настоящий расцвет, от которого до наших дней дошли лишь тротуары и изящный мавзолей красавицы Джаныке-ханум, дочери известного ордынского хана Тохтамыша. В поисках удачи и царства Тохтамыш успел повоевать и в Средней Азии, и на Руси, и в Сибири, то есть почти по всему тогдашнему обитаемому миру. Но прекрасный мавзолей строит именно в Чуфут-Кале, сообщая нам о значении, которое он придавал крымской крепости.

И всё-таки, как ни украшали монголы город, они его покинули. Крымские ханы некоторое время поддерживали жизнь города, а затем, когда для них наступили более спокойные времена, переселились вниз, в долину, где построили «Бахчисарай» — «дворец в саду».

Но вершину покинули не все жители. Евреи, а точнее, караимы, жили там до начала XIX века. Монголы, татары и турки, которые были хозяевами Крыма с XIII по XVIII век, не жаловали иноверцев и взимали с них двойные налоги, а также не разрешали им селиться, где хочется. Так и остались караимы в древнем византийском городе, который постепенно превращался в деревню. И только Екатерина Великая, получив в свои владения Крым, смилостивилась над потомками хазар и разрешила им спуститься с гор.

Всчитанные годы в Чуфут-Кале не осталось не только жителей, но и домов. Ведь переселенцы, желая сэкономить, сошли с горы вместе со своими жилищами. Они разобрали их по кирпичику и спустили по крутой скользкой тропе в долину. И сейчас, кроме монгольского мавзолея и византийской крепости, здесь можно увидеть лишь несколько караимских сооружений: это два молельных дома и жилище последнего караимского хранителя города-музея.

Но не спешите покинуть окрестности Чуфут-Кале. Древний город умер, но ожил находящийся рядом с ним, в ущелье Девы Марии, древний монастырь Успения Богородицы.

Дата основания монастыря, как и города Чуфут-Кале, неизвестна. Условно его

считают восьмой век от Рождества Христова. Тогда степной Крым принадлежал готам, а побережье делили между собой византийцы и тавроскифы. Рассказывают, что в ущелье под городом Чуфут-кале, на высоком обрыве местные христиане обнаружили свечу, а под ней — икону Богородицы. Чтобы добраться до иконы, верующим пришлось вырубать в отвесном обрыве ступени. Вскоре готы и византийские греки устроили на месте чудесного явления иконы храм, а затем и монастырь. По другой версии, сначала здесь появился монастырь, основанный православными греками, которые бежали от византийских иконоборцев, и лишь позже явилась чудотворная икона.

Так или иначе, древний храм сохранился до сих пор. Это низкая широкая пещера, плоский свод который поддерживают столбики-колонны, представляющие собой единое целое с пещерой. Форма колонн, а также мозаика пола, восстановленная реставраторами, говорит о глубокой древности сооружения. Это — самое раннее Средневековье. Нигде, кроме Крыма, на территории России нет таких старинных церквей. Да и в Европе церквей восьмого-девятого века сохранилось немного.

Впечатление древности усиливается ещё и простотой, даже «примитивностью» интерьера. Но копоть и низкий потолок лишь усугубляют молитву, когда представишь, сколько поколений первых христиан молились здесь и сколько веков ангелу этой древней церкви. Эти колонны и стены, эти окна (откуда дорога, ведущая в Чуфут-Кале, выглядит узкой тропкой) — были современниками императора Карла Великого, первых мусульман, князя Рюрика и вещего Олега. Они возникли раньше, чем появился современный русский этнос, предваряли крещение князя Владимира. Поэтому древние крымские монастыри, в том числе Бахчисарайский, как бы передают эстафету от первых христиан, через готов и византийцев — нам с вами, современным русским.

Нерукотворная Бахчисарайская икона Божией Матери в конце восемнадцатого века была перенесена из Крыма на берега Азовского моря. Там крымские христиане основали город Мариуполь — город Девы Марии, город Богородицы. После революции 1917 года древний образ исчез. В Успенском монастыре сейчас хранится его копия.

Сейчас почти всё ущелье Девы Марии под стенами Чуфут-Кале занимает монастырь. Это целый город, где стоит 5 храмов, многочисленные кельи, фермы и огороды.

Вода с вершины соседней горы подаётся в монастырь по старинному (хотя и реконструированному) водопроводу, самотёком.

Не ограничиваясь воссозданием старинной обители, монахи Успенского монастыря недавно построили новый скит недалеко от ущелья Девы Марии, возле пещерного города Качи-Кальон. Такое соседство не случайно, это старинная традиция: почти каждый пещерный город Крыма был одновременно монастырём или имел монастырь неподалёку. Не пора ли привить эту традицию и в других городах России?

Василий Никифоров-Волгин

Светлая заутреня

Н. К. Пимоненко. Пасхальная заутреня

Над землёй догорала сегодняшняя литургийная песнь. «Да молчит всякая плоть человека, и да стоит со страхом и трепетом».

Вечерняя земля затихала. Дома открывали стеклянные дверцы икон. Я спросил отца:

— Это для чего?

— Это знак того, что на Пасху двери райские открываются!

До начала заутрени мы с отцом хотели выспаться, но не могли. Лежали на постели рядом, и он рассказывал, как ему мальчиком пришлось встречать Пасху в Москве.

— Московская Пасха, сынок, могучая! Кто раз повидел ее, тот до гроба поминать будет. Грохнет это в полночь первый удар колокола с Ивана Великого, так словно небо со звёздами упадёт на землю! А в колоколе-то, сынок, шесть тысяч пудов, и для раскачивания языка требовалось двенадцать человек! Первый удар подгоняли к бою часов на Спасской башне...

Отец приподнимается с постели и говорит о Москве с дрожью в голосе:

— Да... часы на Спасской башне... Пробьют — и сразу же взвизгивает к небу ракета... а за ней пальба из старых орудий на Тайницкой башне — сто один выстрел!..

Морем стелется по Москве Иван Великий, а остальные сорок-сороков вторят ему как реки в половодье! Такая, скажу тебе, сила плывёт над первопрестольной, что ты словно не ходишь, а на волнах качешься маленькой щепкой! Могучая ночь, грому Господню подобная! Эй, сынок, не живописать словами пасхальную Москву!

Отец умолкает и закрывает глаза.

— Ты засыпаешь?

— Нет. На Москву смотрю.

— А где она у тебя?

— Перед глазами. Как живая...

— Расскажи ещё что-нибудь про Пасху!

— Довелось мне встречать также Пасху в одном монастыре. Простотой да святолепностью была она ещё лучше московской! Один монастырь-то чего стоит! Кругом — лес нехоженный, тропы звериные, а у монастырских стен — речка плещется. В неё таёжные деревья глядят, и церковь сбита из крепких смолистых брёвен. К Светлой заутрене собиралось сюда из окрестных деревень великое множество богомольцев. Был здесь редкостный обычай. После заутрени выходили к речке девушки со свечами, пели «Христос Воскресе», кланялись в пояс речной воде, а потом — прилепляли свечи к деревянному кругляшу и по очереди пускали их по реке. Была примета: если пасхальная свеча не погаснет, то девушка замуж выйдет, а погаснет — горькой вековушкой останется!

Ты вообрази только, какое там было диво! Среди ночи сотня огней плывёт по воде, а тут еще колокола трезвонят, и лес шумит!

— Хватит вам вечать-то, — перебила нас мать, — высыпались бы лучше, а то будете стоять на заутрене сонными!

Мне было не до сна. Душу охватывало предчувствие чего-то необъяснимо огромного, похожего не то на Москву, не то на сотню свечей, плывущих по лесной реке. Встал с постели, ходил из угла в угол, мешал матери стряпать и поминутно её спрашивал:

— Скоро ли в церковь?

— Не вертись, как косое веретено! — тихо всплила она. — Ежели не терпится, то ступай, да не балуй там!

До заутрени целых два часа, а церковная ограда уже полна ребятами.

Ночь без единой звезды, без ветра и как бы страшная в своей необычности и огромности. По тёмной улице плыли куличи в белых платках — только они были видны, а людей как бы и нет.

В полутёмной церкви, около Плащаницы стоит очередь охотников почитать Деяния апостолов. Я тоже присоединился. Меня спросили:

— Читать умеешь?

— Умею.

— Ну, так начинай первым!

Я подошёл к аналою и стал выводить по складам: «Первое убо слово сотворих о Феофиле», и никак не мог выговорить «Феофил». Растерялся, смущённо опустил голову и перестал читать. Ко мне подошли и сделали замечание:

— Куда ж ты лезешь, когда читать не умеешь?

— Попробовать хотел!..

— Ты лучше куличи пробуй, — и оттеснили меня в сторону.

В церкви не стоялось. Вышел в ограду и сел на ступеньку храма.

«Где-то сейчас Пасха? — размышлял я. — Витают ли на небе, или ходит за городом, в лесу, по болотным кочкам, сосновым остинкам, подснежникам, вересковыми и можжевеловыми тропинками, и какой имеет образ? Вспомнил мне чей-то рассказ, что в ночь на Светлое Христово Воскресение спускается с неба на землю лестница, и по ней сходит к нам Господь со святыми апостолами, преподобными, страстотерпцами и мучениками. Господь обходит землю; благословляет поля, леса, озёра, реки, птиц, человека, зверя и всё сотворённое святой Его волей, а святые поют «Христос воскрес из мёртвых...» Песня святых зёрнами рассыпается по земле, и от этих зёрен зарождаются в лесах тонкие душистые ландыши...

Время близилось к полночи. Ограда всё гуще и полнее гудит говором. Из церковной сторожки кто-то вышел с фонарем.

— Идёт, идёт! — неистово закричали ребята, хлопая в ладоши.

— Кто идёт?

— Звонарь Александра! Сейчас грохнет!

И он грохнул...

От первого удара колокола по земле словно большое серебряное колесо покатилося, а когда прошёл гуд его, покатилося другое, а за ним третье, и ночная пасхальная тьма закружилась в серебряном гудении всех городских церквей.

Меня приметил в темноте нищий Яков.

— Светловещанный звон! — сказал он и несколько раз перекрестился.

В церкви начали служить «великую полунощницу». Пели «Волною морскою». Священники в белых ризах подняли Плащаницу и унесли в алтарь, где она будет лежать на престоле, до праздника Вознесения. Тяжёлую золотую гробницу с грохотом отодвинули в сторону, на обычное своё место, и в грохоте этом тоже было значительное, пасхальное, — словно отваливали огромный камень от гроба Господня.

Я увидел отца с матерью. Подошёл к ним и сказал:

— Никогда не буду обижать вас! — Прижался к ним и громко воскликнул: — Весело-то как!

А радость пасхальная всё ширилась, как Волга в половодье, про которое не раз отец рассказывал. Весенними деревьями на солнечном поветрии зако-

лыхались высокие хоругви. Стали готовиться к крестному ходу вокруг церкви. Из алтаря вынесли серебряный запрестольный крест, золотое Евангелие, огромный круглый хлеб — артос, заулыбались поднятые иконы, и у всех зажглись красные пасхальные свечи.

Наступила тишина. Она была прозрачной, и такой лёгкой — если дунуть на неё, то заколеблется паутинкой. И среди этой тишины запели: «Воскресение Твоё, Христе Спасе, ангели поют на небеси». И под эту восхриляющую песню заструился огнями крестный ход. Мне наступили на ногу, капнули воском на голову, но я почти ничего не почувствовал и подумал: «Так полагается» — Пасха! Пасха Господня! — бегали по душе солнечные зайчики. Тесно прижавшись друг к другу, ночными потёмками, по струям воскресной песни, осыпаемые трезвоном и обогреваемые огоньками свечей, мы пошли вокруг белозорной от сотни огней церкви и остановились в ожидании у крепко закрытых дверей. Смолкли колокола. Сердце затаилось. Лицо запылало жаром. Земля куда-то исчезла — стоишь не на ней, а как бы на синих небесах. А люди? Где они? Все превратилось в ликующие пасхальные свечи!

И вот, огромное, чего охватить не мог вначале, — свершилось! Запели «Христос Воскресе из мёртвых».

Три раза пропели «Христос Воскресе», и перед нами распахнулись створки высокой двери. Мы вошли в воскресший храм, — и перед глазами, в сиянии паникадил, больших и малых лампад, в блёстках серебра, золота и драгоценных камней на иконах, в ярких бумажных цветах на куличах, — вспыхнула Пасха Господня! Священник, окутанный кадильным дымом, с заленившимся лицом, светло и громко воскликнул: «Христос Воскресе», и народ ответил ему грохотом спадающего с высоты тяжёлого, льдистого снега — «Воистину Воскресе».

Рядом очутился Гришка. Я взял его за руки и сказал: — Завтра я подарю тебе красное яйцо! Самое наилучшее! Христос Воскресе!

Неподалёку стоял и Федька. Ему тоже пообещал красное яйцо. Увидел дворника Давыда, подошел к нему и сказал:

— Никогда не буду называть тебя «подметалой-мучеником». Христос Воскресе!

А по церкви молниями летали слова пасхального канона. Что ни слово, то искорка весёлого быстрого огня:

«Небеса убо достойно да веселятся, земля же да радуется, да празднует же мир видимый же весь и невидимый, Христос бо возста, веселие вечное».

Сердце моё зашло от радости, — около амвона увидел девочку с белокурыми косами, которую приметил на выносе Плащаницы! Сам не свой подошёл к ней, и, весь зардевшись, опустив глаза, я прошептал:

— Христос Воскресе!

Она смутилась, уронила из рук свечечку, тихим пламенем потянулась ко мне, и мы похристосовались... а потом до того застыдились, что долго стояли с опущенными головами.

А в это время с амвона гремело пасхальное слово Иоанна Златоуста:

«Аще кто благочестив и боголюбив, да насладится сего доброго и светлого торжества: Воскресе Христос, и жизнь жительствует!»

Достижения цивилизации

(Продолжение. Начало см. в ДРГ № 1–3 за 2015)

Электричество

Электричество — энергия будущего. Мы уже говорили о том, что энергопотребление — один из самых насущных вопросов современной цивилизации. На заре промышленной эры потребляемую энергию получали, сжигая каменный уголь. Уголь приводил в движение паровозы и другие машины, использовался в металлургии, на многочисленных мануфактурах и для отопления жилищ. Платой за это были столбы чёрного дыма над трубами заводов и постоянный смог, закрывающий небо над крупными городами. Жидкое топливо и двигатели внутреннего сгорания решили проблему с выбросами в воздух сажи, но по-настоящему чистой энергией является электричество.

Электрические явления наблюдались с глубокой древности и описывались ещё греками. Сам термин был введён в оборот английским врачом и естествоиспытателем Уильямом Гилбертом в 1600 году. В 1752-м — Бенджамин Франклин изобрёл молниеотвод, тем самым доказав электрическую природу молний. Учёные присталь-

но изучают электрические свойства материи: электропроводность веществ, электролиз, индукцию, пьезоэлектричество и многие другие. Итогом всех этих исследований была теория электромагнетизма, построенная в 1873 году английским физиком Д. К. Максвеллом, которая связала воедино множество явлений, в которых задействовано электричество. Становится понятным, что электромагнитное взаимодействие — одно из основных сил природы, скрывающееся буквально в каждом атоме вещества.

Настало время практического применения электричества. Наверное впервые широко применять его в быту начали для освещения. В 1874 году П. Н. Яблочков изобретает дуговую лампу. «Электрическая свеча» Яблочкова, или как её называли за границей, «русский свет», быстро вошла в моду в Европе и положила конец эпохе газового городского освещения. Немного раньше, в 1821 году, физиком М. Фарадеем был открыт принцип работы электродвигателя. Сфурн-Санкт-петербургский профессор Б. С. Якоби в 1838 году установил такой двигатель мощностью 1 л.с. на восьмивёсельный катер, «на нем разместилось без

стеснения до 12 человек. В одном опыте он проплыл 7 вёрст кряду по Неве и каналам, совершив свой путь в течение 3 часов». С конца XIX века электричество начало своё победное шествие по миру. Например, в 1884 году в Лондоне открылась первая в истории электростанция.

С тех пор электричество проникает в новые и новые сферы жизни. Почему это происходит не так быстро, как хотелось бы? Если до недавнего времени получение электричества и передача его на большие расстояния были освоены довольно хорошо, то с аккумулярованием электроэнергии были сложности, а это необходимо для транспорта и других мобильных приложений. Традиционные свинцово-кислотные аккумуляторы тяжелы, неудобны и имеют малую ёмкость. Недавно были созданы очень лёгкие и ёмкие литий-ионные и литий-полимерные аккумуляторы, а также мощные и компактные электродвигатели. Это открыло широкий простор для создания, например, автомобилей (сейчас уже выпускают несколько марок серийных, полностью электрических автомобилей) или беспилотных летательных аппаратов. Победа электричества в транспортной области была бы решающим рубежом. Но если нас не удивляют трамвай, троллейбус, поезд метро или электричка, то электрический автомобиль пока ещё остаётся экзотикой.

Противники электрических авто утверждают: большая часть получаемой сейчас электроэнергии всё равно производится за счёт сжигания углеводородов. В какой-то мере они правы. Например, в России, по приблизительным подсчётам, структура вырабатываемой электроэнергии на 2005 год выглядит так: сжигание углеводородов — 66%, гидростанции — 18%, атомная энергия — 16%. Но цифры эти постоянно меняются, и доля теплостанций неуклонно уменьшается. Во всём мире строятся гидро- и солнечные станции. В пейзажах Америки, Германии и Нидерландов обычными становятся крылья гигантских ветрогенераторов. Не имеющая запасов ископаемого топлива Франция 75% своей электроэнергии производит на атомных станциях.

Электричество выдало человечеству билет в будущее. Сейчас все привыкли к бытовым электрическим приборам: пылесосу, холодильнику, электрочайнику и вентилятору, хотя они вошли в нашу жизнь совсем недавно. Заметный рывок электричество помогло сделать в передаче информации, без него не было бы телеграфа, телефона, телевизора и радиоприёмника. Но самую важную роль оно сыграло при создании компьютеров и устройств с электронным управлением — того, без чего современный мир был бы невозможен.

Лозунг эпохи индустриализации

Саяно-Шушенская гидроэлектростанция

Рукотворная молния в электрофорной машине

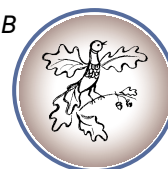

Электричество на транспорте: электровоз

Подснежники

Иван Соколов-Микитов

Художник Евг. Чабанова

ЗЕЛЁНЫЙ
ПАТРУЛЬ

По опушкам лесов, на лесных, освещённых солнцем полянах ещё ранней весной расцветают первые лесные цветы — подснежники-перелески.

Хорошо в эту пору в лесу, наполненном весёлыми птичьими голосами. Набухли, надулись на деревьях пахучие смолистые почки. На макушках высоких берёз звонко пересвистываются весенние гости — дрозды. Сидя на дубе, гулко воркует дикий голубь витютень.

Ещё не растаял в глубоких оврагах снег, а уже цветут под деревьями, белым и голубым ковром расстилаются подснежники-перелески — первые весёлые цветы нашего леса.

Приятно собрать и поставить на стол букет свежих подснежников. От них пахнет весною, свежим запахом пробудившейся земли.

УМЕЛЫЕ РУКИ

Пасхальные курочки

Дорогие ребята!

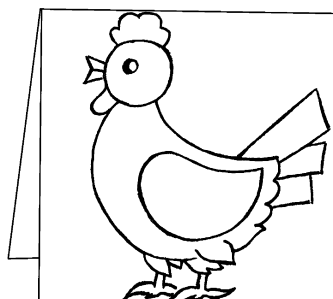
Попробуйте сделать симпатичных ярких курочек для пасхального стола.

Сложив лист бумаги пополам, нарисуйте силуэт курочки и вырежьте по контуру так, чтобы «на гребешке» оставить бумагу неразрезанной. Раскрасьте курочку.

Яркие, весёлые, не похожие друг на друга, курочки, расставленные на крашеных яичках и просто между тарелок, оживят стол, сделают его ещё более праздничным.

Линия сгиба

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИМеждународный детский
литературный конкурс
им. И. С. Шмелева

Лето Господне

Международный детско-юношеский литературный конкурс имени Ивана Шмелева «Лето Господне» проводился издательским советом Русской Православной церкви по благословению Святейшего Патриарха московского и Всея Руси Кирилла. В конкурсе принимали участие ученики 6–12 классов общеобразовательных и православных школ, гимназий и колледжей России, стран СНГ и зарубежья. На конкурс пришло более тысячи работ. Подробный отчёт о награждении победителей конкурса читайте в следующем номере «Детской Роман-газеты». А сейчас предлагаем вашему вниманию рассказ одной из конкурсанток.

Протья Мария, 13 лет, Беларусь

Чудесное путешествие

Вы когда-нибудь путешествовали? Я и не сомневалась, что вы ответите «да». Тогда вам знакомы и трепет ожидания чего-то нового, незнакомого, и радость открытия, и восхищение творением рук человеческих, и теплота встреч с хорошими, светлыми людьми. Говорю об этом с уверенностью, потому что часто сама бывала со своей бабушкой в паломнических поездках по родной Беларуси.

А вот приходилось ли вам совершать путешествия во времени? Нет? Тогда сейчас самое время пригласить вас с собою. Вы уже волнуетесь? Уверю вас: это совсем не страшно, а даже интересно. К тому же мы отправляемся не куда-нибудь на другой конец света, а в Москву, и всего лишь на 120 лет назад — во

времена наших прапрабабушек и прапрадедушек. Представляю, как вы обрадовались. Ведь побывать в Москве, увидеть Кремль, пройтись по Красной площади и старым московским улочкам, войти в московские храмы и прикоснуться к православным святыням — ваша давнишняя мечта. Не так ли?

Тогда берём в руки книгу Ивана Шмелева «Лето Господне», ставим рядом иконку Николая Чудотворца (покровителя путешественников) и читаем молитву: «Бог мой, иду в путь Твой. Впереди Божья Матерь, позади Иисус Христос, по бокам Ангелы-Хранители, надо мной Дух Святой и вся Небесная сила со мной. Аминь». Закрываем глаза и... листаем первые страницы.

...Что? Вы уже слышите чудное птичье пение, какое-то весёлое перестукивание... Откуда-то издалека ветер доносит вкусный запах свежей выпечки... И вам уже не терпится открыть глаза. Ну что ж, теперь самое время это сделать.

Да! Да! Да! Это и есть старая Москва... XIX век... Дух захватывает! Весна! По булыжной мостовой катят пролётки, запряжённые лошадьми, — вот откуда это весёлое перестукивание. «Что это за чудное пение?» — спрашиваем мы у рядных прохожих. «Так это жаворонки, — удивляются они нашему вопросу и радостно добавляют: — на Сорок Мучеников они всегда ведь прилетают». В наше время, да ещё в городе пение жаворонков разве услышишь? Значит, нам очень повезло.

Останавливаемся у маленького магазинчика, любуемся витриной: тихо-тихо кружатся карусели с пасхальными яичками в золотых колечках, на алых ленточках. Сахарные, атласные... Вы догадались? Правильно, мы попали в Москву в предпасхальные дни. В домах на подоконниках — вазы с вербными веточками. Значит, «верба» уже прошла.

А вот уже и Пасха. Все улицы и дворы чисто выметены. Чистота и спокойствие во всём. Необыкновенные эти дни — страстные, Христовы дни. Вечер. У входа в церковь и нам дают страстные свечки. Мерцающий огонёк завораживает — ведь он святой. Вокруг люди, и у каждого в руках святой огонёк. До чего же красиво!

В церкви наши старые знакомые — мальчик и женщина, что мыла окна.

Они держат в руках по свече. Выносят Плащаницу. Она увита розами. Под ксёй, с золотыми херувимами, лежит Спаситель. Мы совсем забыли, что мы из будущего, нам вместе со всеми и грустно и радостно одновременно. Грустно — оттого что Спаситель умер, радостно — Он воскреснет завтра! Женщина говорит мальчику: «Держи свечу крепко. Не давай погаснуть пламени. Донесём — доживём до следующего года. Святой огонёк. Дома зажжём лампадку и будем кресты выжигать, чтобы мир и лад в доме был». «А мне теперь ничего не страшно, — отвечает ей мальчик, — потому что везде теперь Христос». «Да, милый, и всё — для Него, что делаем», — отвечает она ему, и они растворяются в темноте. Эти слова я не раз слышала в своей Церкви Марии Магдалины, что на Старожёвской улице в Минске.

Назавтра все встречают друг друга словами «Христос Воскресе». «Воистину Воскресе», — слышится в ответ. И мы приветствуем встречаемых этими привычными для нас словами, трижды целуемся. И чувствуем себя родными с этими людьми другой страны и другого времени: расстояние почти в тысячу километров до Москвы, и отдалённость более чем в сотню лет не властны над нашими общими святыми традициями. И сегодня для нас Пасха, как и для наших прапрадедов, — самый светлый праздник.

Великий гул и чудесный звон из серебра и меди накрывают всё вокруг.

Это значит, что нам пора вернуться в будущее, то есть из прошлого вернуться в настоящее. Мы снова закрываем глаза и книгу «Лето Господне». Читаем молитву и молим Николая Чудотворца об удачном возвращении домой. Только нам теперь ничего не страшно, потому что везде Христос.

И вот мы уже дома. Можно было бы подумать, что всё, что было с нами, — всего лишь чудесный сон, и путешествие во времени и пространстве невозможно. Только как быть с пасхальными куличиками в картонке в руке у каждого из нас?

Что? Вы уже грустите по старой Москве? Вам уже снова хочется туда вернуться? Ну что ж, поторопитесь. Вы успеете на Рождество! Раскройте снова «Лето Господне», помолитесь — и в добрый путь.

НАМ ПИШУТ

Меня зовут Ваня Карагодин. Мне 8 лет. На одном детском празднике мне подарили журнал «Детская Роман-газета». В нём было написано о юных героях Отечества времен войны 1812 года. Я узнал, что сыновья генерала Раевского всю войну сопровождали своего отца и участвовали во многих сражениях.

А младший сын Николай был награждён орденом святого Владимира 4-й степени с бантом — почётнейшей боевой наградой.

Мои папа и мама — участники исторического клуба «Виват», и каждый год я вместе с ними выезжаю на Бородинское поле, где проходит реконструкция сражения 1812 года. Здесь можно увидеть Кутузова, Наполеона, солдат, стреляющих из пушек, конницу, гусар в атаке. Когда я вырасту, я тоже буду военным, как мой папа, и буду защищать наше Отечество.

Поздравляю журнал с 20-летием!

НАШ ВЕРНИСАЖ

**ДЕТСКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ШКОЛА
им. И. П. Тимошенко г. Сызрань**
Преподаватель Сиганова О.В.

1. Клычкова Олеся, 16 лет. «Памятник архитектуры Поволжья»
2. Земскова Серафима, 16 лет. «Дары Поволжья»
3. Баталова Тамара, 15 лет. «Пасхальный натюрморт»
4. Спирина Наталья, 15 лет. «Светлый день»

УМЕЛЫЕ РУКИ:
Пасхальные курочки

Каждый слышал, вероятно, кем был Джотто и насколько великим художником он был по сравнению со всеми другими.

Сакетти, 1395 г.

Джотто ди Бодоне. Мадонна во славе. XIII–XIV в.

УГОЛОК РОССИИ:
Чуфут-Кале

ИМЕНА:
Василий Иванович Белов

ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ:
Электричество